

авантюжная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ЛЕС
РАЗБУЖЕННЫХ
СНОВ

ЧТО ВЫБРАТЬ: РАСКРЫТЬ ЧУЖУЮ ТАЙНУ ИЛИ СХРАНИТЬ СВОЮ?..

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Лес разбуженных снов

«ЭКСМО»

2007

Леонтьев А. В.

Лес разбуженных снов / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2007

Неожиданно для себя доктор психологии Стелла Конвей поспособствовала развалу обвинительного процесса против маньяка-убийцы Вацлава Черта. Когда-то она сама едва не стала его жертвой и пыталась это скрыть. А в результате адвокат Черта представила дело так, словно Стелла была его любовницей! Выйдя на свободу, маньяк решил довести начатое до конца и снова начал преследовать девушку... Начальник доктора Конвей спрятал ее в глухой провинции. Но Стелла и там оказалась в опасности: в городке происходят загадочные убийства, которые приписывают мифическому существу – вулкодлаку. Конечно, девушка не верила ни в каких чудовищ. Пока во время приема в старинном замке во дворе не возник зловещий силуэт... Вулкодлак! Неужели этот монстр существует на самом деле?

© Леонтьев А. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Вулкодлак! Вулкодлак! Вулкодлак!	6
Катастрофа в суде	16
Кровавый дьявол наносит новый удар	26
Скоро ты станешь моей...	32
Вильерский кошмар	39
В краю вулкодлака	47
Вильерский крутой Уокер	55
Боня Закорюк и алтарь вулкодлака	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Антон Валерьевич Леонтьев

Лес разбуженных снов

*...Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу
И с молитвой мертвеца схоронили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Все лежал на рогожке да охал.
К Якубовичу калуер приходит, —
Посмотрел на ребенка и молвил:
«Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зуб вурдалака, поверь мне».
Вся деревня за старцем калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят – труп румяный и свежий, —
Ногти выросли, как вороны когти,
А лицо обросло бороδοю,
Алой кровью вымазаны губы, —
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трещали,
Ломаясь, как замерзлые прутья...*

А.С. Пушкин. «Марко Якубович»
(Из цикла «Песни западных славян»)

*«...Итак, я, со своей стороны, отказываюсь от вечного успокоения
и добровольно вступаю в тот мрак, в котором, может быть, заключено
величайшее зло, какое только встречается в мире и в преисподней...»*

Брэм Стокер. «Граф Дракула»

*...На небольшом расстоянии от сэра Чарльза виднелись
совершенно свежие и четкие...*

– Следы?

– Следы.

– Мужские или женские?

*Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил
почти шепотом:*

– Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!

Артур Конан Дойл.

«Собака Баскервилей». Пер. Н. Волжиной

Вулкодлак! Вулкодлак! Вулкодлак!

Завидев улыбающуюся физиономию Лешека, Ванда вздрогнула и поперхнулась куском эклера. Взгляд девушки переместился с большого окна кондитерской, за которым ее любимый корчил смешные рожицы, на суровый лик тети Клары.

– У меня что, прическа не в порядке? – спросила тетя Клара и полезла в большую сумку, гордо именовавшуюся ридикюлем.

– Да нет же, тетечка, – едва сдерживая смех, произнесла Ванда.

Пока тетка копалась в кожаном ридикюле цвета подгнившей черешни, пытаясь отыскать пудреницу, девушка погрозила Лешеку кулаком. Молодой человек, послав воздушный поцелуй, исчез за углом, и вовремя, потому что тетя Клара, вытащив наконец старинную деревянную пудреницу с треснувшим зеркальцем, заметила, как племянница обменивается пламенными взглядами с кем-то за ее спиной, и быстро обернулась. Ванда перевела дух: не хватало еще, чтобы она увидела Лешека! Ее драгоценного, шаловливого, хотя и безголового Лешека.

– Тетечка, хотите еще пирожного? – отвлекла внимание своей дуэньи Ванда на первый взгляд невинным, а в действительности коварным вопросом.

Тетя Клара, дама постбальзаковского возраста и мегарубенсовских размеров, обожающая платья с рюшами, вязаные гольфы и котов, была двоюродной сестрой матери Ванды. Тетя Клара гордилась тем, что у нее никогда не было мужа или хотя бы любовника, она исправно помогала католическому священнику и усердно потчевала племянников и племянниц, в том числе и Ванду, нравоучениями, досаждала обличением грехов и призывала к воздержанию и полному самоконтролю. Всю свою нереализованную энергию тетя Клара отдавала религии и сладостям. Поэтому-то Ванда и зашла с теткой, якобы ненароком, в кондитерскую, что открылась недавно, но пользовалась всевозрастающей популярностью.

Убедившись, что с прической все в полном порядке, а за спиной не прячется ретивый молодой человек, только и жаждущий одного – лишить ее дорогую племянницу Ванду невинности (однако едва тетка отвернулась и потянулась к тарелке с аппетитным трехцветным пирожным-безе, как за окном кондитерской снова возник Лешек), тетя Клара со вздохом произнесла:

– Как же я рада, что ты наконец-то вняла доводам разума и церкви, дорогая моя! Твои родители и, конечно же, я были очень рады, когда ты порвала с этим мерзопакостным проходцем, молодым оболтусом, юным преступником...

Она запнулась, подыскивая подходящее словосочетание, характеризующее в полной мере греховность того, кто сейчас, прильнув к окну кондитерской, целовал стекло и показывал на часы, намекая, что пора избавиться от нудной тетки.

– Тетечка, твои слова открыли мне глаза на то, как подобает вести себя, – едва сдерживая смех, лицемерно произнесла Ванда.

– Так вот ведь! – изрекла тетя Клара и позолоченной вилочкой отсекла половину пирожного. – Твои родители поступили мудро, обратившись ко мне! Я знаю, что современная молодежь так падка на призывы слабой плоти, в дьявола сейчас никто не верит, немодно, видите ли, но он существует! Поверь моим словам, дорогая племянница, нечистый поджидает нас на каждом шагу, у него легион фальшивых лиц, он завлекает мишурным блеском сладкой жизни и туманит разум плотскими желаниями. Но все те, что попадутся на его удочку, отправятся напрямик в ад. Ибо рогатый не дремлет, он всюду! И в тот момент, когда беспомощное, юное создание, доверившееся некоему проходимцу, чьей душой управляют бесы, поддастся на уговоры и решит подарить этому недостойному то самое ценное, что следует беречь для суженого, с кем соединят тебя пред алтарем нерушимыми узами церковного брака...

Ванда вздохнула и отхлебнула остывшего кофе. Если бы тетя знала, что «то самое ценное», о коем она вещает с таким запалом, ее племянница подарила Лешку еще в начале лета, и никакой дьявол не явился по ее душу, дабы покарать за приятные минуты на чердаке, то поперхнулась бы немедленно пирожным. Но она ничего не знала и тем же тоном вещала:

– И в тот самый момент, моя дорогая, когда грешнику кажется, что он превыше Создателя, дьявол и появляется. О, и это будет уже не миляга-друг или веселый сосед, се будет ужасный, пощады не ведающий монстр, от коего нет спасения! И вырвет он из груди грешника душу, и несчастный, променявший свое божественное предназначение на жалкие наслаждения, отправится напрямик в геенну огненную! Прямиком в преисподнюю!

Тетя могла твердить о подобном часами, недаром же она посещала все службы в церкви, смотрела в рот падре, обрушивающемуся с чуждой истинному христианину непримиримостью на тех, кто нарушает десять заповедей, и отмечала в особой тетрадке имена тех, кто не явился на мессу. Тетя Клара никак не могла смириться с тем, что церкви, внезапно наполнившиеся молящимися после краха коммунизма в Герцословакии, начали через несколько лет столь же стремительно пустеть – люди разочаровывались в вере, отдавая все свои силы поискам денежной работы и тех самых наслаждений, ранее находившихся под запретом компартии.

– Тетечка, я заказала тебе еще два пирожных, – проворковала Ванда, и официантка поставила перед тетей Klarой две тарелочки с изумительными творениями кондитерского искусства: шоколадным, с засахаренной вишенкой, и ананасово-клубнично-виноградным, с желе.

Тетя Клара посмотрела на часы, висевшие на стене кондитерской, и с тоской в голосе произнесла:

– Почти семь, тебе через четверть часа нужно быть в музыкальной школе...

– Тетечка, кушайте на здоровье! – воскликнула Ванда. Она знала: тетке потребуется не меньше получаса, чтобы справиться со сладостями. – Школа-то всего в трех шагах отсюда, я сама до нее доберусь.

– Но я обещала твоим родителям... – начала тетя Клара, но ее голосу не хватало уверенности. Дьявол, подумала Ванда, добрался и до тети Klarы – в форме вкуснящих пирожных и тортов.

Ванда поднялась со стула, засунула под мышку папку с нотными листами и произнесла:

– Тетечка, вы же знаете, что можете мне доверять! История с... ну, вы знаете, с кем... осталась в прошлом! Я прекрасно понимаю родителей и одобряю то, что они, уехав в командировку, попросили вас приглядеть за мной. Так что оставайтесь в кондитерской, а я пойду на занятия. В половине десятого я буду дома!

Тетя Клара, в чьи обязанности входило не спускать с Ванды глаз, пока родители ездили в столицу по делам фирмы, быстро пошла на компромисс с собственными убеждениями и, главное, со страстью к пирожным.

– С занятий я сразу отправлюсь домой, – заверила ее Ванда и, чмокнув в щеку, вылетела в ноябрьскую тьму.

Лешек поджидал ее за углом. Молодой человек привлек Ванду к себе и поцеловал. Девушка ударила его нотной папкой и, поправив беретик, прошипела:

– Только не здесь! А что, если нас увидят? У тетки везде имеются осведомители!

Юноша, прищутив зеленые глаза, от которых Ванда сходила с ума, небрежно произнес:

– Твоя помешанная на религии тетюшка снова внушала, что заниматься сексом до брака грешно? И опять дьяволом голову морочила?

* * *

Ванда познакомилась с Лешком прошедшим летом, через день после того, как ей исполнилось пятнадцать. Лешек был водителем микроавтобуса, на котором приехали музыканты.

Ванда сразу обратила внимание на невысокого, ладно сложенного темноволосого молодого человека, занимавшего водительское сиденье и лениво курившего сигарету.

Она никак не могла выбросить незнакомца из головы, и когда на следующий день столкнулась с ним около дома, то оторопела: как он попал сюда?

– А ты симпатичная, малышка, – сказал он.

Ванда покраснела – она находила свои уши слишком большими и оттопыренными, нос – горбатым, а волнистые русые волосы – невыносимыми.

– Меня зовут Лешек, – произнес он и улыбнулся. – Я сразу заметил, что ты на меня запала. Так ведь?

Лешек стал для Ванды самым большим секретом того лета. Он был на семь с половиной лет старше девушки, подрабатывал то здесь, то там частным извозом, покуривал марихуану и обожал «Раммштайн».

Ванда влюбилась в Лешека без оглядки, и, когда тот потребовал от нее доказать искренность своих чувств, она забралась с ним на чердак (родители были дома и не подозревали, чем занимается их единственная дочь). Окрыленная словами Лешека, уверявшего, что они поженятся еще до Рождества, Ванда поведала обо всем своей лучшей подруге Милославе, с которой была неразлучной с самого детства. Ванда рассказала ей и о планах сбежать из ненавистного родного городка в столицу – Лешек уверял, что найдет хорошее место.

Планы так и не реализовались: вечером того же дня отец, выпоров Ванду, запер ее в комнате, запретив покидать дом, а сам отправился в полицию, дабы обвинить Лешека в растлении малолетней. Оттуда отец вернулся вместе с дородной дамой, представившейся работницей полиции. Ванда не хотела никого видеть и, накрыв голову подушкой, лила слезы, то ли из-за синяков на попе, то ли из-за того, что так и не удалось сбежать в Экарест.

Отец стащил девушку с кровати и заставил выслушать рассказ полицейской. Та прихватила с собой копии кое-каких документов из дела Лешека. Выяснилось, что он начал карьеру в возрасте десяти лет с кражи в овощном магазине, в двенадцать попался при попытке раскурочить банкомат, в пятнадцать оказался замешанным в изнасиловании – сам Лешек в истязании жертвы участия не принимал, доверив это дело старшим товарищам, однако стоял на шухере, где и был пойман с поличным бдительным гражданином. Лешеку дали полтора года и отправили в колонию для малолетних. Когда его через восемь месяцев выпустили за примерное поведение, подросток вернулся домой, где его ждали вечно пьяный отец и прикованная к кровати из-за перелома позвоночника мать. В восемнадцать лет Лешека арестовали по подозрению в ограблении виллы заместителя мэра, но отпустили в связи с отсутствием доказательств. С тех пор Лешек находился на примете у полиции – молодого человека подозревали в распространении наркотиков, организации подпольного тотализатора и рэкете. Он в самом деле был водителем – у шефа одной из преступных группировок городка, а частным извозом подрабатывал тогда, когда требовалось найти богатея, чью хату можно было бы обчистить.

– Он приходил в наш дом в мое отсутствие? – вопрошал отец. Он и мама работали в организованном ими туристическом агентстве, у которого не так давно появилось два новых филиала: дела шли как нельзя лучше. – Ты водила его по нашему дому? Показывала, где мы храним деньги? Он ведь через тебя подбирается к нашим кровавым потом заработанным ценностям! Господи, за что господь ниспослал мне такого глупого ребенка!

Ванда не могла поверить тому, что Лешек лгал и использовал ее как источник информации. После того как тетя Клара провела несколько воспитательных бесед, более похожих на проповеди, и миновало больше двух месяцев с момента разоблачения козней Лешека, Ванде было дозволено ненадолго покидать дом. К несчастью, ее всегда сопровождал кто-то из родственников: родители боялись рецидива и, несмотря на заверения дочери, что Лешек для нее ничего не значит, справедливо полагали, что береженого бог бережет.

Встретиться с Лешекком Ванде удалось в городской библиотеке: тетя Клара надолго застряла в буфете, и девушка могла украдкой обменяться несколькими фразами с молодым человеком, который днем ранее прислал ей записку, в которой указал, где они смогут увидеться.

Лешек не отрицал, что проник в дом Ванды по заказу своего шефа.

– Но тебя я полюбил по-настоящему! – заявил он. – Эй, малышка, неужели ты думаешь, что я способен на подлость? Я люблю тебя!

У Ванды отлегло от сердца. Они с Лешекком разработали коварный, но эффективный план: она изображала из себя пай-девочку, усыпляя внимание родителей и тетки, и постепенно контроль ослабевал. Ванда снова смогла встречаться с Лешекком, и они принялись обдумывать план побега: юноша считал, что в Экаресте можно по-настоящему широко развернуться и они в два счета станут богатыми.

– А когда деньги есть, то на всех наплевать, – рассуждал он. – Когда тебе исполнится шестнадцать, мы поженимся, и твои родители ничего сделать не смогут. У меня есть в столице на примете несколько человек, которые заправляют в теневых структурах, и если на них работать, то можно высоко взлететь. Начну с должности шофера, а через несколько лет стану боссом. И тогда, малышка, у нас все будет: и своя вилла с бассейном, и дюжина лимузинов, и шмоток у тебя завались...

От подобных головокружительных перспектив у Ванды сладко щемило в сердце и щеко-тало в носу. Родители же что-то заподозрили и снова приставили к Ванде тетю Клару. Однако девушка знала, как можно вывести из строя свою дуэнью, и частенько оставляла ее в кондитерской, отправляясь «на занятия в музыкальную школу».

Играть на виолончели Ванда ненавидела, тусклые сонаты Баха и унылые сарабанды Скарлатти навевали на нее тоску, но родители отчего-то считали, что их дочь создана для пикиания на виолончели, и твердили, что Ванда, став взрослой, поймет их правоту и будет благодарить за то, что ее отдали в музыкальную школу.

По средам, вечерами, Ванда посещала занятия по сольфеджио и музыкальной литературе: первое длилось час, второе – сорок пять минут. На сольфеджио Ванда тщетно напрягалась, пытаясь постичь секреты мажорного и минорного лада, на музыкальной литературе откровенно зевала, выслушивая биографии сто, двести, а то и триста лет тому назад почивших композиторов.

Родители знали, что Ванда без особого энтузиазма ходит в музыкальную школу, поэтому когда с середины октября дочь вдруг перестала ныть, требуя прекратить занятия в «камере пыток», как именовала она музыкальную школу, и с большим усердием собирала папку, не в состоянии дожидаться, когда же тетя Клара зайдет за ней, чтобы проводить на урок, мать с отцом вздохнули с облегчением.

– Такое бывает, я читала в последнем номере педагогического журнала, – авторитетно заявила мама. – Когда у подростка заканчивается период траура по первой неразделенной любви или, как в случае с нашей Вандочкой, траур по растоптанным чувствам и обманутым надеждам, они отдают себя всецело новому, сугубо эстетическому увлечению, например, литературе, музыке или театру.

Они и не подозревали, что Ванда на самом деле организовала огромную инсценировку, в которой она и Лешек были режиссерами и главными исполнителями, а родители вкупе с тетей Klarой – ничего не подозревающими зрителями.

Знакомый Лешек, невропатолог, согласился за деньги подтвердить на официальном бланке с внушительной фиолетовой печатью, что Ванда страдает повышенным внутричерепным давлением, по причине коего не может регулярно посещать занятия сольфеджио. Ванда появлялась в музыкальной школе, приносила очередную справку, оправдывающую ее многочисленные прогулы, играла роль больной и затем исчезала снова на несколько недель.

Однако каждую среду она уходила на занятия в музыкальную школу. Если тетю Клару не удавалось сплавить в кондитерскую или ее отводили отец или мама, она прощалась с ними в вестибюле школы, приветливо махала на прощание рукой и, дождавшись, когда взрослые скроются, покидала здание школы с единственной целью – встретиться с Лешekom. Правда, в таких случаях у них было не больше полутора часов, затем девушке приходилось тащиться в школу, дабы встретить в холле родителей, явившихся забрать свое чадо, и заявить им: «Нас отпустили на пять минут пораньше», – а затем побыстрее уносить ноги, чтобы не столкнуться с товарищами по группе или, чего доброго, с учительницей сольфеджио.

Посему Ванда изо всех сил старалась затащить тетю Клару в кондитерскую, где та обедалась пирожными, в то время как племянница спешила на randevу с Лешekom. Тетка зачастую теряла счет времени и, набивая желудок, иногда могла провести в кондитерской по два, а то и три часа кряду. Тогда Ванда могла миловаться с Лешekom подольше и сама приходила в кафе, где заставляла тетку с затуманенным, как у наркомана, взглядом за столиком, уставленным полудюжиной пустых тарелочек.

* * *

– Куда мы пойдем в этот раз? – спросила Ванда.

В прошлую среду они посетили жилище одного из друзей Лешека, но Ванде не понравился продавленный матрас, использованные шприцы в углу и засаленные плакаты с изображениями гологрудых красоток на облупившихся стенах.

Лешек прижал к себе девушку и утробным голосом ответил:

– Там, где нас никто никогда не отыщет! В гости к вулкодлаку!

Он указал на старинный замок, возвышавшийся на нависшей над городком горе. Ванда пожилаясь: любой знал, кто такой вулкодлак – помесь оборотня и вампира. Согласно легенде, князь-воин, прославившийся ратными деяниями в мрачном Средневековье, не был принят ни раем, ни адом из-за своих многочисленных прегрешений и был обречен скитаться то ли в виде огромного волка с горящими глазами и клыкастой пастью, то ли гигантской летучей мышью в местах, где когда-то сеял зло.

Родной городок Ванды под названием Вильер располагался в горах, поросших лесом. Там все еще водились волки и медведи, и случалось, что охотники, грибники или туристы наткнулись на изувеченное тело с оторванной головой или распотрошенным животом где-нибудь в чащобе (наверняка работа дикого зверья!), и тогда оживали суеверия, и жители шептались, что-де он снова принялся за прежнее.

Он – вулкодлак.

– Что, вулкодлака боишься? – спросил Лешек.

Ванда повела плечами и, фыркнув, ответила:

– Еще чего! Это все бредни, такие же, как и сказки про Санта-Клауса или снежного человека.

– Снежный человек существует, – заявил авторитетно Лешек и пощекотал Ванду за ушком. – Это уже наукой доказано на все сто!

Ванда взглянула на темную громаду замка и вдруг воскликнула:

– Посмотри-ка, там свет!

И действительно, одно из окон замка, который многие годы пустовал, пока не был переоборудован под пансионат для членов ЦК коммунистической партии Герцословакии, а затем снова был забыт, светилось призрачным желтым цветом. Уже стемнело, и городок стал заложником долгой ноябрьской ночи, поэтому светлое пятно на темном пятне громады замка казалось таинственным, загадочным.

– Неужели старый князь бродит в ночи, желая отправиться на охоту... – пробормотала Ванда.

– А как же! – подвывая на почти полную луну, заговорил Лешек. – Старый хрыч покоится в саркофаге в домовый капелле. Я подростком с пацанами туда на спор лазил ночью, мы даже по очереди на крышке с зажмуренными глазами сидели. Одного оставляли в капелле, а другие выходили и закрывали тяжелые бронзовые двери. Там даже три засова имеется – снизу, сверху и посередине. Как будто склеп от кого закрывают, чтобы нечисть оттуда не вылезла...

– Прекрати немедленно! – воскликнула Ванда, кусая губы.

Но Лешек не внял ее требованию.

– Никто из моих товарищей больше трех минут не продержался, все орали благим матом и просили, чтобы их выпустили. Уверяли, что крышка саркофага под ними начинала шевелиться. Когда моя очередь настала, уселся я на княжеский гробик... Сижу, весь трясусь – хотя лето стояло, но в капелле ледяной холод. И вдруг чувствую – крышка начинает мелко дрожать...

– Замолчи! – взмолилась Ванда, которая не понимала, как Лешек может обожать совершенно идиотские фильмы ужасов и до невозможности примитивные комиксы про оживших мертвецов и красногубых упырей.

– И скрежет такой противный раздался, как будто кто-то когтями по камню стучит... Ну, думаю, вот и настала пора повидаться с вулкодлаком. А у меня был крест припасен освященный, а еще я облатку прихватил – говорят, если ее в рожу вулкодлаку кинуть или лучше ему в пасть засунуть, он и сгинет. Но так надо бороться с теми, кого старый князь, выпив кровь, своими слугами сделал. А чем взять его самого, главного паразита? Ему ведь больше полтыщи лет, он столько душ загубил, столько кубометров крови высосал и вагонов человеческих костей разгрыз, так взматерел, что ни молитвой, ни облаткой, ни крестиком оловянным его не возьмешь...

– Ты хочешь, чтобы я ушла? – уже начала возмущаться девушка.

А Лешек, расплывшись в хитрой улыбке, продолжал:

– Как видишь, малышка, вулкодлак меня не слопал. В общем, я рот раскрыл, чтобы заорать, да крик в глотке застрял. И тут что-то черное вылезает из-за крышки саркофага. И шасть ко мне!

– Вулкодлак... – помертвевшими губами прошептала Ванда. – Или ты все врешь? Вечно истории сочиняешь!

– Это была крыса, – ответил Лешек. – Только такая, что я подобных не видывал, – размером с жирного кота твоей тети Клары, не меньше. Наверное, их там много, грызут княжеские кости да припасы в погребах, что от коммунистических заправил остались. А еще говорят, что в тюрьме, которая в горах расположена, заключенных раньше грохали и трупы выбрасывали около замка, вот крысы и расплодились. Той зверюге я ногой хребет перебил, она еще долго лапами дергала, пока не сдохла. В общем, я один из всех пацанов продержался в капелле целых пятнадцать минут!

Ванда натянуто улыбнулась. Ну конечно, никакого вулкодлака не бывает!

– А в замке свет горит, потому что наследник объявился, какой-то мужик то ли из Франции, то ли из Германии приехал, – сообщил Лешек. – Когда частную собственность снова ввели и старым хозяевам все земли и угодья отписали, замок долго пустым стоял – вроде вымерли все из княжеского рода. А вот недавно, в газетах писали, нашелся один – то ли племянник, то ли сынок последнего князя, я не помню. Он замок и оттыпал, а тот, хоть и развалюха, стоит миллионы в баксах. Наследник собирается его переоборудовать под шикарный отель и открыть в подземелье что-то вроде парка ужасов. Будет, одним словом, зарабатывать деньги на суевериях!

Молодые люди отошли от кондитерской на приличное расстояние и оказались перед каменной дорогой, уводившей в горы.

– Сегодня мы отправимся туда! – торжественно произнес Лешек и указал на замок.

– Но если там наследник живет... – заикнулась Ванда.

– Ну, не в сам замок, а около него, – подмигнув, ответил парень. – Там же, малышка, много укромных местечек. Шантрапы не бывает, потому что все вулкодлака боятся, а вот парочкам там сущий рай!

Ванда поежилась на холодном ветру и жалобно сказала:

– Погода не подходит. Может, в другой раз, Лешек? Летом?

Молодой человек обнял девушку.

– Да ты никак вулкодлака боишься? Запомни, малышка, со мной тебя ни одна нечисть не обидит. А если какой упырь позарится, я ему живо обломаю рога и копыта повыдергиваю. Тебе же хата, где мы были в последний раз, не понравилась? – Ванда замотала головой. – Ну, тогда в чем проблема, детка? Там, на полпути к замку, имеется егерская хибара, а у меня от нее есть ключики. – Он помахал перед лицом Ванды связкой ключей. – Там нас никто не потревожит, клянусь тебе, а идти не больше пятнадцати минут. Славно развлечемся, детка!

И его рука словно невзначай сползла с плеча на грудь Ванды.

Они отправились в путь. Дорога плутала по склону, Ванда запыхалась. Замок, теперь уже в нескольких окнах которого мигали огни, приближался. Внезапно девушка услышала протяжный вой, от которого кровь застыла в ее жилах.

– Что это? – выдавила она.

Лешек, крепко сжимавший ее ладонь в своей, произнес страшным голосом:

– Старый князь пробудился к жизни. Он поднялся из гроба и понял, что ему хочется свежей человеческой крови, такой вкусной и теплой. И вот он обратился в страшное существо – трехметрового исполина на двух ногах, но с мордой и лапами гигантского волка. И рыщет по здешним горам в поисках жертв...

Лешек остановился и с жадностью поцеловал Ванду. Нервы девушки были на пределе, ей хотелось одного – спуститься вниз и оказаться в уютной кондитерской рядом с нудной тетей Кларой. Все, что угодно, только быть как можно дальше от жуткого замка!

– Мы на месте! – объявил Лешек.

Они подошли к одноэтажному строению из красного кирпича. Молодой человек включил на крыльце фонарь, и Ванде сразу сделалось легче. Страхи отступили.

– Ну как, лучше? – спросил заботливо Лешек, открывая дверь.

Обиталище егеря было обставлено скудно – старый диван, застеленный клетчатым одеялом, умывальник, несколько полок с разномастной посудой, два стула и стол.

– Собственно, тут никто давно не живет, зато кое-кто проворачивает здесь прибыльные делишки, – произнес Лешек и вытащил из-под дивана небольшой чемоданчик. Он раскрыл его, и Ванда увидела бело-синие упаковки с таблетками.

– Наркотики! – воскликнула Ванда.

– Малышка, да любое лекарство, хоть от запора, хоть от поноса, может стать наркотиком, если принимать его в лошадиной дозе, – пустился в объяснения Лешек. – А это так, для резвых мальчиков и взрослых девочек на дискотеках. Если с пивком или с мартини выпить, настроение сразу улучшается, хандра проходит, гормоны играют...

Лешек подошел к Ванде и заметил:

– Да ты вся дрожишь! Все еще боишься вулкодлака? Ну-ка, забудь свои бредни! Мы тут совсем для другого оказались!

Лешек налил из-под крана воды в шербающую кружку, извлек из чемодана четыре таблетки, три закинул в рот, а одну протянул Ванде:

– Попробуй, сразу почувствуешь, что бояться нет причин.

– Но если это наркотик... – попробовала протестовать Ванда.

– Никакой не наркотик, а таблетка для клёвого секса! – отрезал Лешек. – А нам ведь именно это и требуется, да, малышка?

Ванда позволила себя уговорить и, не разжевывая, проглотила таблетку, запив ее двумя глотками ледяной воды. Лешек тем временем скинул куртку и свитер. Прижавшись горячим телом к Ванде, прошептал:

– Неделя прошла, как мы последний раз виделись, малышка, я весь извелся!

Он провел языком по щеке Ванды, дотронулся пальцами до шеи и пробормотал:

– Кровь, кровь, кровь... Какая ты аппетитненькая, детка! Будь я вулкодлаком, обязательно бы на тебя набросился!

Таблетка начала оказывать свое действие: Ванда отбросила страхи, а вместе с ними водолазку и лифчик. Она и Лешек целовались, как сумасшедшие, на скрипучем диванчике. Молодой человек начал стаскивать с девушки джинсы, и вдруг Ванда вскрикнула:

– Господи, что это?

– Где? – обернулся Лешек и уставился в незанавешенное оконце, выходившее в чашу. – Ветер, вот ветки и колышутся.

– Да нет же! – чувствуя, что желание спадает, а страх возвращается, ответила Ванда. – Я видела чью-то тень! Кто-то большой и... косматый прошел мимо окна!

– Ну да, вулкодлак пожаловал! – усмехнулся Лешек. Разгоряченный эротическими ласками и таблетками, он навалился на Ванду. – Малышка, я по тебе схожу с ума! Когда в столицу рванем и обзаведемся своей хатой, то не будем вылазить из постели сутками!

Ванда, чье сердце учащенно билось, правда, не по причине быстрой любовной прелюдии и предстоящей бурной интермедии, а скорее от страха, закрыла глаза и откинулась на спинку дивана, позволяя Лешеку ласкать себя. В голове колыхался теплый кисель, хотелось одного – отдаться любимому. Так, наверное, вели себя одалиски в гареме султана...

Ванда распахнула глаза, когда на пороге что-то ухнуло. Лешек, оторвавшись от груди девушки, не мог не признать, что около хижины что-то происходит. Молодой человек подскочил, застегнул джинсы и вытащил из кармана валявшейся на полу куртки нож.

– Лешек, милый, прошу тебя... – захныкала Ванда, превращаясь из безудержной одалиски в пугливую девчонку, коей, собственно, и была.

Юноша, подкидывая нож в воздухе, хорохорился:

– Не исключено, что бомжи отираются, но я им живо мозги вправлю. Будут знать, как шастать по моей территории!

Он подошел к двери, отодвинул засов, повернул ключ и распахнул створку. В комнату хлынул поток холодного воздуха. Ванда поежилась.

– Накройся, а то простудишься, – приказал Лешек. – Я быстро.

– Милый, я не хочу оставаться одна, – промямлила Ванда. В голове запульсировало – неужто так таблетка подействовала?

– Вот видишь, на крыльце никого нет! – заявил Лешек, а Ванда, взглянув на черный лес, выдохнула:

– Там, посмотри...

Лешек, играя мускулами, повернул голову в указанном направлении.

– Так и есть, бомж! Эй ты, чего здесь делаешь, старая шваль? Тебе что, надоело носить по свету свои жалкие кости? Вали отсюда! Сейчас я тебя проучу, гад, как подсматривать в окна!

Ванда нечетко видела высокую фигуру, притаившуюся за разлапистой елью. Именно к ней и обращал свой монолог Лешек. Юноша сбежал с крыльца и, продолжая громогласно ругаться, ринулся к ели.

Резкий порыв ветра захлопнул дверь, и Ванда вздрогнула от неожиданности. На секунду воцарилась тишина. А затем до ее слуха донесся жалобный вскрик – кричал Лешек. Девушка моментально узнала его голос, полный страшной боли и всемерного отчаяния.

Ванда как будто приросла к дивану. Крик повторился, а секунду спустя внезапно оборвался, как будто кто-то выдернул радиоприемник из розетки. Хруст. Хруст... Шаги!

Нечто массивное приближалось к домику. Ванда, боясь вздохнуть, сидела на диване, поджав под себя ноги и чувствуя, как начинают шевелиться на затылке волосы.

Хруст прекратился. Стену хибары сотряс мощный удар, и тотчас вырубился свет: пристанище двух влюбленных погрузилось во мрак.

Дверь, заскрипев, медленно распахнулась. Ванда, словно замороженная, дрожа от страха, смотрела вперед, не в силах закрыть глаза. Под елью лежал Лешек!

Девушка выпростала левую ногу, затекшую от неудобной позы. Ванде было очень страшно, но она должна помочь любимому. И вообще, с чего она взяла, что... что на него напал вулкодлак? Какие, право, глупости! Лешек стал жертвой нападения бандитов, а она забивает себе голову сказками...

Ванда, нащупав водолазку, кое-как натянула ее и только потом сообразила, что надела ее наизнанку. Хотела переодеться, и тут вспомнила, что у Лешека имелся мобильный телефон, аппарат у него в кармане джинсов. Нельзя медлить!

Засунув ноги в туфли, Ванда вышла на крыльцо, посмотрела по сторонам. Почему она никак не может отделаться от ощущения, что за ней кто-то наблюдает? До нее снова донесся треск веток. Ванда подбежала к лежащему Лешеку и опустила перед ним на колени.

– Милый мой, что с тобой! – простонала девушка.

Она дотронулась до лба молодого человека и отдернула руку – пальцы окрасились кровью. На шее Лешека зияла глубокая рана.

– Лешек, я тебе помогу... сейчас вызову подмогу, позвоню в полицию, в больницу... – лепетала Ванда. Но Лешек не отвечал. Ванда запустила руку в карман его джинсов и нащупала мобильный телефон.

Послышался хруст. Ванда в панике обернулась. Рядом с хижинкой возвышалась темная фигура.

– Что вам надо? – попыталась воскликнуть Ванда, но из горла вырвалось только шипение. Фигура двигалась к ней!

– Лешек, Лешечек, мой хороший, поднимайся! – прошептала Ванда, тормоша молодого человека. Однако уже понимала: Лешек мертв. И убил его тот, кто приближался сейчас к ней.

Зажав в руке мобильный телефон, девушка бросилась в чащу. Она неслась, не разбирая дороги, то и дело оборачиваясь. Зловещая фигура исчезла. Ванда, зацепившись ногой то ли о ветку, то ли о камень, полетела на мокрые, источающие запах гниения листья.

Одна из туфель слетела с ноги, и Ванде пришлось достаточно долго ползать на карачках, отыскивая ее. Сильно болело плечо, а поднявшись на ноги, девушка поняла, что подвернула левую лодыжку: бежать она больше не могла, да и каждый шаг давался с большим трудом.

Ванда, прислонившись к стволу могучей лиственницы, прислушалась. Лес был полон странных и страшных звуков: угукали филины, каркали вороны, шелестели листья. Со всех сторон доносился треск веток, и Ванда никак не могла понять – движется ли это человек, убивший Лешека, или просто играет ветер.

Слезы потекли по грязным щекам Ванды. Ведь всего десять минут назад она и Лешек наслаждались друг другом, а потом... Что же случилось потом? Непроизвольно взгляд Ванды упал на черный силуэт замка. А что, если тот, кто охотится за ней, вовсе и не человек, а... вулкодлак...

Девушка внезапно ощутила пронзительный холод. Еще бы, из одежды на ней были лишь тоненькая льняная водолазка да трусики! Но самый страшный холод поселился внутри, сковал

сердце. Внезапно в голову Ванде пришла простая и потрясающая мысль – ведь в руке у нее зажат мобильный телефон. Она набрала три заветные цифры.

– Служба спасения! – раздался после нескольких показавшихся бесконечными гудков далекий женский голос.

– Помогите, прошу! – зашептала Ванда. – Он напал на Лешека и гонится за мной!

– Пожалуйста, говорите громче! – потребовала дама. – Вас очень плохо слышно. Где вы находитесь? Кто гонится за вами?

– Вулкодлак! – выпалила Ванда. – Господи, сделайте же что-нибудь!

Из ночного мрака донеслись завывания волков. И вдруг к заунывным руладам серых хищников присоединился леденящий душу стон, переходящий в вопль. И тот, кто его издавал, был неподалеку.

– Девушка, перестаньте меня разыгрывать! – произнесла женщина. – Хэллоуин уже прошел! Если вам требуется помощь, четко скажите, в чем дело и где вы располагаетесь. Только в этом случае я смогу выслать вам на подмогу полицию или медицинскую бригаду.

Но Ванда уже не слышала ее слов. Выронив из ослабевших пальцев телефон, онаковыляла по лесу, стараясь отойти подальше от источника страшного воя.

– С вами все в порядке? – произнесла работница службы спасения. – Девушка, отвечайте!

Тот, кто подошел к мобильнику, лежавшему на листве, со всей силы наступил на аппарат. Раздался треск пластмассы, связь пропала.

Ванда, плача, шла по лесу. Она корила себя за то, что выронила телефон, за то, что согласилась подняться с Лешеком в горы, за то, что обманывала родителей и тетку. Быть может, права была тетя Клара, и дьявол наказывает за прегрешения каждого? Неужели тот, кто преследует ее в ночи, и есть нечистый?

Девушка снова упала – нога запуталась в сплетении древесных корней, а острый сук порол плечо. Ванда попыталась ползти. Хруст ломающихся веток приближался. Девушка из последних сил прильнула к пню и, обхватив лицо грязными, вымазанными в земле и глине руками, принялась громко молиться, с трудом вспоминая слова. Тетя Клара обучала ее когда-то молитвам, но она откровенно зевала на воскресных мессах в церкви, а «священные» книжки, которые подсовывала тетка, навевали на нее тоску.

Ветки перестали трещать. Ванда знала, отчего: тот, кто преследовал ее по темному лесу, стоял всего в паре метров от нее. Она слышала его тяжелое, звериное дыхание и улавливала странный запах.

Медленно, как в замедленной съемке, Ванда обернулась, дабы разглядеть того, кто убил Лешека и намеревался (в этом она уже не сомневалась) сделать то же самое и с ней. Глаза девушки давно привыкли к темноте.

Он стоял перед ней. Громадный, черный, пылающий злобой, полный жажды крови. Его лицо... Нет, то было не лицо человека, а морда адской твари! Девушка поняла, что тетя Клара была права: сатана самолично забирает души грешников, и вот властитель ада явился и за ней.

– Вулкодлак... – прошептала Ванда, и звук ее голоса потонул в громком вое волков.

Тот, кто стоял перед ней, запрокинул морду, и через секунду по лесу пронесся раскати-стый, устрашающий, тоскливый вой. Вой не человека и не зверя. Вой вулкодлака!

А затем тварь бросилась на беззащитную Ванду...

Катастрофа в суде

– В качестве свидетеля обвинения вызывается специальный агент отдела по расследованию серийных убийств при министерстве внутренних дел доктор Стелла Конвей, – раздался в динамиках голос секретаря суда.

Стелла дожидалась вызова на свидетельское место в коридоре. За два с половиной часа, которые прошли с момента начала пятого дня процесса, она успела выпить два бокала кофе из автомата (на редкость отвратительного), прочитать от корки до корки последний выпуск «Королевского сплетника» (бульварный листок на первой странице сообщал о секс-скандале в школе – учительница рисования завела интрижку с тринадцатилетним учеником и умудрилась от него забеременеть) и просмотреть первую страницу монографии по психологии серийных убийц известного датского врача (она не запомнила ни слова: слишком велико было волнение).

Доктор Стелла Конвей выступала в суде достаточно регулярно, поэтому причин для беспокойства вроде бы не было. Однако дело Вацлава Черта (да, такая была у него фамилия – под стать натуре!) представлялось ей особым.

– Доктор, ваш выход, – доложил охранник, открывая дверь зала суда.

Стелла поднялась с неудобной скамьи, поправила темно-красный костюм, раскрыла сумочку и достала очки. Так она будет выглядеть внушительнее и произведет на судью и присяжных нужное впечатление.

Она шагнула в зал. По распоряжению судьи слушание дела происходило при закрытых дверях.

Заявки на аккредитацию подали более двухсот изданий и телекомпаний – процесс над Вацлавом Чертом, которого еще до поимки, по злой иронии судьбы, пресса окрестила Кровавым Дьяволом», вызвал всеобщий ажиотаж. Как специалист по составлению психологического портрета особо опасных преступников, Стелла Конвей прекрасно знала, что обыватели, сами того не понимая, превращают маньяков в некое подобие «национальных святынь». Только два года назад, во время суда над новым Вулком Сердцеедом, убивавшим девиц легкого поведения и вырезавшим у них сердца, пресса буквально сходила с ума, делая из беспощадного убийцы героя новостных выпусков. Такая же участь ожидала, по всей видимости, и Вацлава Черта. Но его отправят в тюрьму, ибо он (доктор Конвей была в том совершенно уверена) был полностью вменяем и отдавал себе отчет в любой момент совершения своих ужасных деяний.

Стелла Конвей обвела взглядом зал, где находились зрители, допущенные в качестве наблюдателей, родственники жертв Черта и представители нескольких СМИ, которым все-таки было разрешено присутствовать на процессе.

– Свидетель, займите свое место! – провозгласил судья, полный мужчина лет шестидесяти с бульдогообразным красноватым лицом и большой проплешиной. Судья, облаченный в черную мантию, восседал в большом кресле.

Секретарь суда провел Стеллу на место, предназначенное для свидетелей.

Доктор Конвей опустилась на стул и посмотрела сначала налево – там располагались представители обвинения. Она слегка улыбнулась заместителю прокурора Экареста, коренастому чернобровому мужчине лет сорока, облаченному в элегантный костюм жемчужного цвета с галстуком цвета бордо (Феликс Дарбич всегда тщательно отслеживал последние веяния мужской моды). Обвинитель не отреагировал на ее слабую улыбку и зашелестел бумагами, лежавшими перед ним на столе. Что же, если учесть, что расстались они не совсем мирно (Стелла бросила его, чем задела самолюбие Феликса), то реакция господина заместителя прокурора столицы вполне объяснима.

Затем взгляд доктора Стеллы Конвей переместился вправо, где находились обвиняемый и его адвокат. Сердце у Стеллы забило с удвоенной силой, но на лице не дрогнул ни единый

мускул (профессиональная выдержка!). После поимки Вацлава Черта почти полгода назад она знала, что рано или поздно ей придется снова встретиться с ним в суде. И вот этот момент настал.

И все же... Былой кошмар возвращался к ней во сне, иногда раз в месяц, иногда – три раза в неделю. Каждый раз она просыпалась в холодном поту с криком на устах и с ощущением того, что в спальне она не одна. Кто бы знал, что доктор Стелла Конвей, одна из самых известных профайлеров страны, специализирующаяся на поимке серийных убийц, последние десять месяцев спит с включенной настольной лампой, потому что боится остаться в темноте...

Тот, кто научил ее бояться темноты, кто являлся ей в ночных кошмарах, сейчас сидел всего в каких-то пяти-шести метрах. Вацлав Черт – самодовольный блондин с тонкими бескровными губами и узкими серыми глазами. Одет в темно-синий костюм в полоску с темным галстуком, по внешнему виду – менеджер среднего звена в страховой компании или продавец в небольшом ювелирном магазине. В действительности Черт, юрист по образованию, работал в администрации президента, был одним из многочисленных чиновников – отвечал за координацию работы с провинциями. Относительная близость к власти и бордовое удостоверение с тисненным золотом гербом и надписью «Администрация Президента Республики Герцословакия» позволяли ему в течение многих лет оставаться неуловимым и каждый раз оставлять полицию с носом, избегая засад и ловушек. У Черта была великолепная сеть невольных осведомителей – друзей, знакомых, сослуживцев в различных ведомствах страны, в том числе в министерстве внутренних дел, генеральной прокуратуре и министерстве юстиции. Если ему требовалось узнать, что замышляет полиция для поимки Кровавого Дьявола, он просто снимал трубку служебного телефона, набирал номер того или иного ведомства и, поболтав со знакомым или с приятельницей, как бы между прочим переводил разговор в нужное русло и задавал невинные вопросы любопытного обывателя, в действительности же добирался до конфиденциальных и вообще-то разглашению не подлежащих сведений.

Произошло то, чего Стелла так боялась: она встретилась взглядом с Вацлавом Чертом. В последний раз, когда он смотрел ей в глаза, она находилась в его полной власти и только чудом осталась жива. Черт усмехнулся и провел языком по губам. Стеллу передернуло от отвращения – для всех это невинный жест, а для нее – напоминание о прошлом! Внезапно Черт подмигнул ей, и Стелла поняла, что он ее не забыл.

Подле Кровавого Дьявола, в течение почти семи лет нападавшего на молодых женщин, насилующего их и душившего, а после этого превращавшего их квартиры или дома (Черт никогда не нападал на жертвы на улице или в публичных местах, предпочитал заставить несчастных врасплох в их собственных убежищах) в место кровавой бойни, сидела его защитница, госпожа адвокат Амелия Гольдман, внучка, дочь и племянница тех самых Гольдманов, что блистали еще при королях, а потом переметнулись на службу коммунистическим бонзам. Амелия, производившая фальшивое впечатление хрупкой анемичной особы (темные локоны, алебастровое лицо, фиалковые глаза), считалась одним из самых удачливых, свирепых, красноречивых, опасных и дорогих адвокатов по уголовным делам Герцословакии. Черт никогда бы не смог нанять ее себе в защитницы, однако Амелия сама предложила Кровавому Дьяволу, убившему по крайней мере двадцать восемь женщин, свои услуги – совершенно бесплатно. Судачили, что на одной из вечеринок, где присутствовали сливки экарестского общества, Амелия заявила, что добьется для Черта оправдательного приговора, а затем напишет о провальном для прокуратуры процессе книгу, которая непременно станет бестселлером.

Стелла не была представлена Амелии, однако была знакома с ее репутацией. Адвокатша, которой принадлежали небольшой палаццо в Венеции (часть отступного при разводе со вторым мужем – итальянским графом) и островок в Эгейском море (презент благодарного клиента, бывшего премьер-министра страны, обвинявшегося в зверском убийстве молодой любовницы и признанного в итоге невиновным), не любила проигрывать. Благодаря великолепному зна-

нию законов и еще более великолепному знанию лазеек между законами, Амелия Гольдман почти во всех делах умудрялась разрушить линию защиты, посрамить прокуратуру и добиться если не оправдательных, то невероятно мягких приговоров для подопечных – проворовавшихся министров, эксцентричных звезд, олигархов и не ведающих запретов детишек властей предрежащих.

Почти во всех делах, но не во всех. Стелла знала, что Черту ничто не поможет – уж слишком серьезными были улики против него, и одним красноречием, пускай ни в чем не уступающим знаменитым филиппикам Цицерона, их не опровергнуть. Странно, что подсудимый отверг предложение прокуратуры признать себя виновным и не выходить на процесс – в таком случае его обещали поместить до конца жизни в комфортабельную, недавно введенную в эксплуатацию тюрьму для госчиновников, где имелись обширная библиотека, разнообразное меню в столовой и даже бассейн. Черт отказался сотрудничать со следствием, не отвечая ни на один из вопросов, и заявил на первом заседании, что виновным себя не признает.

Пока что Амелия мало себя проявила, лишь добила отвода двух свидетелей и подвергла сомнению выводы экспертизы метахондрий. Стелла Конвей знала: если дело пойдет так и дальше, то Черт получит двадцать восемь раз пожизненное заключение (по количеству жертв) и отправится в печально известный тюремный комплекс, условия содержания в котором парламентарии и комиссии Европейского Союза постоянно подвергали самой резкой критике.

– Свидетель, назовите свое полное имя, возраст и профессию! – произнес судья.

Стелла Конвей охотно пояснила:

– Меня зовут Стелла Конвей, тридцать один год, последние пять лет являюсь специальным агентом отдела по расследованию серийных убийств при министерстве внутренних дел.

– Господин прокурор, можете приступить к допросу свидетеля! – разрешил судья.

Феликс Дарбич, поднявшись из-за стола, пружинистой походкой направился к Стелле. Вопросы были рутинными, ответы на них заранее согласованы с прокуратурой – Амелия не должна найти ни единой зацепки. Стеллу несколько удивило то, что при подготовке процесса Феликс не пожелал ее видеть и прислал к ней своего помощника, который притащил папку с вопросами и заранее напечатанными ответами. Доктор Конвей выпроводила ретивого молодчика, а затем позвонила Феликсу и заявила ему, что не собирается выступать в роли попугая, повторяющего заученные фразы. Феликс во время того телефонного разговора был сух и резок – вероятно, никак не мог простить ей, что она сама ушла от него, а не дождалась, пока он ее бросит. Или (эта мысль пришла Стелле позднее) он все еще любит ее? Впрочем, какая разница – у Феликса жена, с которой он состоит в законном браке больше пятнадцати лет, трое детей-школьников и перспектива через год-два занять место прокурора столицы.

– Благодарю вас, доктор, – произнес прокурор, на лице которого играла торжествующая улыбка.

Судья обратился к Амелии Гольдман:

– Госпожа защитник, вы будете допрашивать свидетеля?

Адвокатша, облаченная в черный брючный костюм, с нитью отборнейшего бахрейнского жемчуга на тонкой шее, ответила завораживающим мелодичным голосом:

– Да, ваша честь, не премину воспользоваться данной возможностью.

Амелия не торопясь поднялась из-за стола, одарила присяжных доброй улыбкой, подошла к Стелле и участливо поинтересовалась:

– Вы хорошо себя чувствуете, доктор Конвей?

Стелла несколько резковато ответила:

– Более чем.

– Я рада, – ответила Амелия Гольдман. – Хотя вообще-то у меня создается впечатление, что вы не в своей тарелке, доктор Конвей. Хотите бокал воды?

– Нет, – ответила Стелла.

– Может, на вас так угнетающе действует спертая атмосфера в зале? Кондиционеры, увы, еще старые, социалистические... – многозначительно произнесла адвокатша, повернувшись к присяжным.

Из рядов, где восседали журналисты, послышались отдельные смешки.

Стелла подумала, что наличие у Черта, лишившего жизни почти тридцать дам, женщины-адвоката, по мнению Амелии, наверняка производит положительное впечатление на присяжных.

Судья, нахмурившись, произнес:

– Госпожа защитник, переходите к допросу свидетеля.

– Ваша честь, я уже допрашиваю свидетеля, – почтительно ответила Амелия, повернулась лицом к Стелле и спросила: – Или ваше хорошее настроение испортилось по причине того, что вы находитесь в одном помещении с господином Чертом?

– Ваша честь, протест! – подал голос прокурор Феликс Дарбич. – Не понимаю, к чему защита адресует свидетелю совершенно посторонние и совершенно нелепые вопросы. Хотел бы я видеть человека, за исключением самой госпожи защитника, кто был бы в диком восторге от общества подсудимого – жестокого убийцы и насильника!

Представители прессы снова захекали.

– Господин обвинитель, советую вам приберечь подобные остроумные, с позволения сказать, замечания для пресс-конференции! – заявил судья. – Господин Черт, пока не доказана его вина, не может быть назван убийцей и насильником, и доказать это – ваша задача. Что же касается защиты, то, госпожа Гольдман, прошу не ходить вокруг да около, иначе буду вынужден сделать вывод, что свидетель вам не требуется, и тогда я отпущу доктора Конвей.

– Ваша честь, у защиты имеются все основания полагать, что доктор Конвей предвзята в своих суждениях. Этим и объясняются мои вопросы, – ответила Амелия.

– Продолжайте, – бросил судья.

Стелла на мгновение закрыла глаза. Черту инкриминировалось двадцать восемь убийств. Но их могло бы стать двадцать девять. О том, что Кровавый Дьявол напал на нее десять месяцев назад, вскоре после того, как она выступила в ток-шоу, где обсуждались деяния маньяка, знали только она сама и, разумеется, Вацлав Черт. Он изнасиловал ее и приготовился убить, но Стелле удалось вонзить ему в правое предплечье ножницы. Черт попытался задушить свою жертву, но не смог сделать это одной рукой и ретировался, оставив ее в полуобморочном состоянии на ковре спальни. Доктор Конвей приняла решение не информировать полицию. Черт овладел ею, а даже спустя десять месяцев после происшествия Стелла никак не могла отделаться от чувства дурноты, временами накатывающего на нее, когда она всего лишь вдруг вспоминала тошнотворный запах его дорогой туалетной воды.

Неужели Черт сообщил о нападении на нее Амелии? И она намерена использовать это каким-то образом в своих целях?

– Доктор Конвей, – произнесла Амелия Гольдман, – доводилось ли вам встречаться с подсудимым, господином Вацлавом Чертом, до сегодняшнего дня и при каких обстоятельствах?

Все взгляды устремились на Стеллу. Она опустила голову и попыталась совладать с паникой, охватившей ее. Что же делать? Сказать правду? Но тогда придется признать факт нападения и изнасилования, а также то, что она, специальный агент министерства внутренних дел и в то же время – сотрудник команды по поимке Кровавого Дьявола, намеренно скрыла от следствия чрезвычайно важную информацию. Ведь после нападения на нее Черт лишил жизни еще четырех женщин. Если бы его схватили после нападения на нее, они бы, может быть, остались в живых...

– Нет! – ответила она громко и сама поразилась, как неестественно звучит ее голос. Иной возможности, как все отрицать, у нее нет.

Феликс с беспокойством посмотрел на Стеллу. Доктор Конвей ощутила желание выбежать из зала, где шел процесс над Чертом. Эта мысль ее развеселила, и Стелла улыбнулась.

– Вам смешно, доктор Конвей? – тонкие брови Амелии взлетели вверх. – Неужели мой вопрос был таким уж забавным? Или вы радуетесь тому, как вам удалось обвести вокруг пальца присяжных и судью?

– Инсинуация! – вставил Феликс Дарбич. – Беспочвенные обвинения, рассчитанные на то, чтобы при помощи дешевого эффекта дискредитировать важного свидетеля...

– Ваша честь, – предваряя реплику судьи, заявила Амелия Гольдман, – разрешите мне разъяснить уважаемому суду и несведущему господину обвинителю следующее: доктор Конвей только что намеренно солгала, заявив, что до сегодняшнего дня не встречалась с подсудимым. Это не так! В моем распоряжении имеются вещи, принадлежавшие доктору Конвей и подаренные ею господину Вацлаву Черту. Причем некоторые из вещей весьма интимного характера, что позволяет нам сделать некоторые выводы о том, в какой именно связи состояли господин Черт и доктор Конвей.

– Ваша честь! – взвился Феликс. – Прошу вас не поддаваться на провокацию со стороны...

Судья прервал его:

– Продолжайте, госпожа защитник. Однако вынужден вас предупредить: если окажется, что ваше заявление не более чем попытка очернить свидетеля, то это будет иметь чрезвычайно серьезные для вас последствия.

– Уверяю вас, ваша честь, – сказала Амелия, – уважаемый суд сейчас убедится в том, что так называемый свидетель обвинения – лгунья.

Стелла онемела. Она со всеми находившимися в зале напряженно следила за тем, как Амелия вернулась к столу, вытащила небольшую кожаную сумку и расстегнула «молнию». Блеснула догадка: Вацлав Черт был склонен к фетишизму и забирал с места преступления вещи и одежду жертв. Покидая квартиру Стеллы, он, видимо, прихватил кое-какие аксессуары.

– Вот мобильный телефон, зарегистрированный на имя доктора Конвей... ночная рубашка со следами ее ДНК... записная книжка с отпечатками ее пальцев... любимые духи доктора Конвей, опять же с отпечатками ее пальцев на флаконе... – комментировала Амелия. А когда сумка опустела, она спросила: – Если вы никогда ранее не встречались с подсудимым, доктор Конвей, то как оказались у него все эти вещи?

– Они были украдены у меня, – ответила Стелла.

– Украдены? Какой оригинальный ответ! В таком случае прошу подвергнуть свидетельницу телесному осмотру.

– Что? – переспросил судья.

– Мой клиент утверждает, что был интимно близок с доктором Конвей, и я могу представить заверенное у нотариуса описание тела доктора Конвей, составленное со слов господина Черта. Мой подзащитный называл, например, родинки на лопатке и на животе, шрам от аппендицита, особенности формы груди. Это доказывает, что доктор... гм... знала, причем во всех смыслах, господина Черта, хотя только что утверждала обратное!

Феликс Дарбич попытался возразить, но судья остановил его:

– Защита выражает сомнения в правдивости показаний свидетеля, поэтому обращаюсь к вам, доктор Конвей, с просьбой отправиться в мое бюро, где сотрудники аппарата суда, разумеется, женского пола, подвергнут вас осмотру.

Вацлав Черт усмехнулся.

Стелла тяжело вздохнула и решила:

– Ваша честь, я готова сделать заявление. Вещи, продемонстрированные защитой, принадлежат мне...

В зале раздались возгласы.

– Тишина в зале! Иначе все зрители будут выдворены в коридор! – пригрозил судья.

– Однако речи не может быть о том, что они были подарены мной подсудимому, – продолжила свидетельница. – Он, как я уже сказала, похитил их у меня. Вацлав Черт... пытался убить меня десять месяцев назад, в ночь с 12 на 13 января этого года.

Невзирая на предупреждение судьи, зал снова загудел. Признание доктора Конвей вызвало бурю эмоций. Корреспонденты застрочили в блокнотах, один, сидевший с краю, поднялся и покинул зал. Судья в ярости воскликнул:

– Каждый, кто без моего разрешения удалится из зала, понесет наказание за неуважение к суду и будет препровожден в камеру на семь суток! Прошу охрану задержать господина, только что в спешке проскользнувшего в коридор, чтобы оттуда, я в том нимало не сомневаюсь, известить свою редакцию или телекомпанию о сенсационных разоблачениях раньше всех.

Удрученного журналиста вернули в зал.

– Вами я займусь позже, – бросил ему судья, а затем обратился к Стелле: – Доктор Конвей, вы понимаете, что сделали сейчас чрезвычайно важное заявление, от которого зависит не только ваша карьера, но и текущий процесс?

– Да, ваша честь, – твердо заявила Стелла.

Амелия Гольдман, чьи глаза радостно сияли, спросила:

– Доктор Конвей, вы огорошили всех нас двумя противоположными, более того, взаимоисключающими заявлениями: пять минут назад вы, по вашим словам, знать не знали господина Черта и под присягой заявили, что не видели его до сегодняшнего дня, теперь же пытаетесь нас уверить, что мой подзащитный пытался убить вас. Так что же правда? Ваше первое заявление, ваше второе заявление или, не исключено, ни первое, ни второе?

– Я говорю сейчас правду, – сказала Стелла. – Вацлав Черт напал на меня... – Она запнулась, покраснев, закончила фразу: – Изнасиловал, как делал это и с другими жертвами, и приготовился лишиться жизни. И только оказав сопротивление, я избежала смерти. На правом предплечье подсудимого наверняка имеется шрам от ножниц, которыми я его ранила.

Амелия Гольдман немедленно откликнулась:

– Ваша честь, вы позволите моему клиенту снять пиджак и рубашку, дабы все присутствующие, в первую очередь уважаемые присяжные, имели возможность убедиться в том, справедливы ли слова доктора Конвей.

– Я не большой поклонник превращения заседания в цирковое представление, а тем более сеанс стриптиза, – заявил судья, – но коль нечто похожее уже произошло, то пускай господин Черт снимет пиджак и рубашку и продемонстрирует нам свое правое предплечье.

Обвиняемый, как будто дожидавшийся этого момента, поднялся, ловко снял пиджак, быстро расстегнул пуговицы рубашки, сбросил ее и обнажил торс, поросший рыжеватыми волосками. Амелия Гольдман подошла к Черту и, указав на правое предплечье, спросила:

– Видит ли кто-либо шрам или что-то подобное?

Предплечье было гладкое, без шрамов, царапин и порезов. Стелла удивилась. Как же так? Она прекрасно помнила, что вонзила ножницы глубоко. У Черта обязательно должен был остаться след!

– Разрешите продемонстрировать уважаемому суду и левое предплечье, дабы не возникло сомнений, не перепутала ли доктор Конвей право и лево, – саркастически заметила защитница и попросила Черта повернуться другим боком, что подсудимый охотно и сделал. Но шрама не было и на левом предплечье.

Стелла судорожно сглотнула. Что за наваждение? Наверняка и зрители, и судья, и, что важнее всего, присяжные считают ее обманщицей. Но это Черт вместе со своей ушедшей адвокатшей пускали пыль в глаза, а не она!

– Как видите, утверждения доктора Конвей не выдерживают проверки опытным путем, – заявила Амелия Гольдман. – Ваша честь, разрешаете ли вы моему клиенту одеться?

– Да, да, – рассеянно проговорил судья, Вацлав Черт принялся натягивать рубашку, а госпожа защитник проронила:

– Итак, не вызывает сомнений, что доктор Конвей не являлась – подчеркиваю, не являлась! – жертвой моего клиента, а была его добровольной любовницей.

– Ваша честь! – возражающе воскликнул Феликс Дарбич, чей лоб был покрыт испариной.

– Согласен, – устало произнес судья. – Последние слова защиты из протокола изъять.

Но Амелии было достаточно того эффекта, который уже был произведен, – ей удалось убедить присяжных в том, что нельзя верить ни единому слову Стеллы Конвей. Все наукоёмкие объяснения касательно вины Вацлава Черта, представленные доктором в качестве ответов на вопросы обвинения, были моментально забыты, в памяти осталось одно: свидетельница – лгунья и, не исключено, любовница человека, обвиняющегося в двадцати восьми убийствах. Более того – может, и соучастница, кто знает?

– Ваша честь! – заявила вдруг Амелия Гольдман. – Вынуждена признаться, что изучение сексуальных эскапад доктора Конвей еще не завершено.

– Ну что еще? – проворчал судья, до крайности недовольный развитием событий на процессе, но не в состоянии запретить защите выступление.

– Я хотела бы продемонстрировать уважаемому суду неопровержимые доказательства того, что весь так называемый процесс – не более чем интрига, сплетенная доктором Конвей и ее сообщником для того, чтобы лишить моего клиента свободы.

– Это переходит всяческие границы, ваша честь! – закричал Феликс Дарбич. – Мало того, что защита...

– Мне решать, переходит это всяческие границы или нет, – перебил судья, он внимательно посмотрел на Амелию Гольдман и произнес: – Учтите, госпожа защитник, если в итоге выяснится, что происходящее – срежиссированный вами спектакль, то вам не сносить головы. Подобное сурово карается – например, исключением из адвокатской корпорации и пожизненным запретом заниматься адвокатской практикой.

– Ваша честь! – воскликнула мадам адвокат. – Мое единственное желание – представить вам и общественности неопровержимые доказательства того, что доверять доктору Конвей нельзя. Она, как мы только что убедились, лжет под присягой, и никто не гарантирует, что ее показания не направлены на то, чтобы упечь моего клиента в тюрьму. Но если бы мы имели дело с одной лишь нечестной женщиной, желающей отомстить своему бывшему любовнику – господину Вацлаву Черту... – Под грозным взглядом судьи Амелия исправилась: – Пардон, последнюю фразу прошу не вносить в протокол. Компетентным органам еще предстоит выяснить, отчего доктор Конвей решила обманывать высокий суд. Однако, ваша честь, разрешите продемонстрировать уважаемым присяжным доказательства того, что верить нельзя не только доктору Конвей, но и официальному представителю обвинения, заместителю прокурора Экареста господину Феликсу Дарбичу...

Стелла увидела, как побледнел Феликс.

Амелия Гольдман тем временем подошла к судье и положила перед ним большой конверт из плотной бумаги. Судья, нацепив очки, извлек из конверта пачку фотографий. Мельком просмотрев их, он снял очки и произнес:

– Запрещать вам демонстрировать эти фотографии я не могу, ибо вы правы – они имеют к разбираемому делу непосредственное отношение. Пожалуй, даже предпочту, чтобы вы презентовали их публике в зале суда, а не на пресс-конференции. Хотя, боюсь, сегодня вечером вы сделаете и это, госпожа защитник.

Амелия, победоносно улыбаясь, сгребла фотографии и подошла к присяжным. Подняв над головой фотографии, она заявила:

– Дамы и господа! На снимках запечатлены два человека, которые вам знакомы. Мужчина и женщина в ситуациях, которые не оставляют сомнений в том, что они – любовная пара.

Адвокатша раздала фотографии присяжным. Доктор Стелла Конвей заметила, как заместитель прокурора попытался ослабить узел галстука. А Вацлав Черт, сцепив руки на животе, ухмылялся.

Присяжные, рассматривая фотографии, охали и бросали взгляды, полные негодования и отвращения, в сторону Стеллы и Феликса Дарбича. Однако доктор Конвей не сомневалась, что основной аудиторией для продолжавшей разглаживать адвокатши были вовсе не присяжные и даже не судья, а журналисты, с жадностью ловившие каждое ее слово.

– На фотографиях изображены доктор Стелла Конвей и заместитель прокурора Феликс Дарбич. Представитель обвинения и один из главных свидетелей состоят в интимной связи! Ведь так, доктор Конвей? – продолжила Амелия Гольдман, резко повернулась к Стелле и быстрым шагом подошла к ней. – Не забывайте, что вы все еще находитесь под присягой и обязаны говорить правду, что, впрочем, не удержало вас от ложных показаний всего несколько минут назад, – не преминула вкрадчиво отметить защитница Черта. – Доктор Конвей, вы состояли в любовной связи с заместителем прокурора Дарбичем?

Стелла молчала, поняв, что попала в ловушку. До сих пор Амелия пыталась убедить суд и присяжных в том, что она руководствуется личными антипатиями и намеренно лжет под присягой, но теперь адвокатша явно хотела инициировать крах всего процесса. Ведь если выяснится, что один из главных свидетелей обвинения и заместитель прокурора любовники, то у защиты появится уникальный шанс: Амелия наверняка потребует от судьи признания процесса недействительным.

– Да или нет, доктор? Мы ждем! – буквально пропела Амелия и уставилась на Стеллу фиалковыми глазами.

Молодая женщина на свидетельском месте замерла в растерянности. Произнесенное ею сейчас «да» будет означать конец карьеры Феликса и, вероятнее всего, ее собственной. И, что хуже всего, Вацлаву Черту удастся внести сумятицу в умы, перетянуть на свою сторону общественное мнение и представить себя жертвой юридического произвола. «Нет» же равносильно самоубийству: отрицать очевидное бессмысленно.

Вацлав Черт, ухмыляясь, нагло уставился на Стеллу. Его тонкие губы зашевелились, и доктор Конвей уловила смысл его беззвучной фразы: «Ты скоро станешь моей!»

– Так в чем же дело, отчего вы молчите? – вопрос Амелии вернул Стеллу к действительности. Следом и судья произнес строго:

– Свидетель, потрудитесь немедленно дать ответ на поставленный вопрос! Напоминаю вам, что вы поклялись говорить правду, только правду и ничего, кроме правды!

Феликс Дарбич, откинувшись на спинку стула, все еще теребил галстук. Лицо заместителя прокурора столицы приняло пепельный оттенок, руки предательски дрожали. Стелла подумала о том, что честолюбивым мечтам Феликса пришел конец. Они ведь и поссорились-то из-за того, что тот откровенно заявил – развестись с женой он не может, хотя ее и не любит, поскольку развод означал бы для него отказ от продвижения по службе.

– Да, – выдавила из себя, уставившись в пол, Стелла.

Амелия Гольдман, сияя, воскликнула:

– Доктор Конвей, а не могли бы вы громко и четко повторить то, что произнесли? Боюсь, ваш придушенный голос доносится не до всех присутствующих в зале!

Она не только хотела разрушить ее карьеру и вывести из игры как чрезвычайно опасного для своего клиента свидетеля, но и растоптать. Однако ответа не избежать... Стелла подняла взгляд и, уставившись в лицо адвокатше, отчеканила:

– Да, вы правы. Феликс Дарбич и я были любовниками.

– У защиты более вопросов нет! – бросила, отвернувшись, Амелия.

Зал гудел, судья потирал виски, Феликс в оцепенении сидел, механически, сам того не замечая, играя карандашом.

– На основании вскрывшихся фактов, ваша честь, – произнесла Амелия Гольдман, – в частности, того, что заместитель прокурора Дарбич и свидетельница обвинения доктор Конвей состояли в любовной связи, обладая, следовательно, возможностью для сговора и подтасовки улик, я требую объявить процесс недействительным! Прошу отправить дело на дораследование, исключив из него все имеющиеся улики, ибо они могли быть фальсифицированы обвинением и так называемыми экспертами. Мой клиент Вацлав Черт стал жертвой беззакония, поэтому прошу заменить заключение под стражей – ведь ордер на арест базируется на косвенных доказательствах, к тому же, вполне вероятно, подтасованных прокуратурой! – на подписку о невыезде.

Каждое слово Амелии отдавалось звоном в ушах Стеллы. Минуту назад она собственноручно подписала смертный приговор, причем не только себе, но и Феликсу.

Судья, вызывая к тишине, отчаянно заколотил молоточком. Когда волнение в зале улеглось, он объявил:

– Ходатайство защиты удовлетворяется по всем пунктам. Закон полностью на стороне защиты. Процесс признается недействительным, жюри присяжных заседателей распускается. Заместитель прокурора Экареста Дарбич отстраняется от участия в следующем процессе, если до оно вообще дойдет дело. Улики, фигурирующие в деле по обвинению Вацлава Черта в двадцати восьми убийствах, изымаются из дела. Ордер на арест признается недействительным. Обвиняемый освобождается из-под стражи в зале суда – без подписки о невыезде. Желаю всем отличного дня!

Судья, с гневом поднявшись, покинул зал заседания через дверь, располагавшуюся у него за спиной. Журналисты атаковали Феликса, который, прокладывая себе путь через толпу, отвечал на все вопросы хриплым голосом одно и то же: «Без комментариев!»

Судебные приставы отгеснили журналистов, публика начала покидать зал. К Стелле подошел раскрасневшийся мужчина, сопровождаемый всхлипывающей дамой. Размахивая кулаками перед лицом доктора Конвей, мужчина заорал, брызжа слюной:

– Ты, шлюха, все испортила! Нашу единственную дочь убил этот негодяй, а из-за того, что ты трахалась с прокурором, его отпустили на свободу!

К мужчине, отцу одной из жертв, подоспели охранники. Его жена, вытирая слезы, произнесла:

– Желаю вам тысячу несчастий, доктор! Пускай же вы помучаетесь так, как мучилась моя дочурка!

Стелла опустила взгляд. Что она могла ответить на упреки, совершенно справедливые, со стороны родителей жертвы? Сказать, что ей ужасно жаль и она раскаивается в произошедшем?

Амелия Гольдман, собирая бумаги со стола, давала наставления Вацлаву Черту:

– Сейчас у нас пресс-конференция, говорить буду только я. Вы запомнили? Ни на один из вопросов не отвечайте!

Черт кивал, но его взгляд был устремлен на Стеллу. Он поднялся и сделал несколько шагов по направлению к доктору Конвей. Адвокатша предостерегающе окликнула его:

– Господин Черт, вам не стоит говорить с ней, это может негативно сказаться...

Вацлав Черт, не слушая, приблизился к Стелле, и она уловила тот самый аромат дорогой туалетной воды, что доводил ее до дурноты почти десять месяцев. Черт, уставившись в лицо Стелле, прошептал:

– Спасибо! Ты здорово выручила меня. Думаешь, откуда взялись фотографии? Я же их и сделал – до того, как напасть на тебя в январе, следил за тобой пару недель, выводил твой график.

Стелла отпрянула, узкая бледная ладонь Черта с длинными, покрытыми редкими золотистыми волосками узловатыми пальцами и с острыми ногтями, дотронулась до запястья Стеллы. Доктор Конвей вздрогнула, как будто ее пронзил электрический разряд.

Серые глаза Черта сузились, превратившись в две щелочки, крылья носа затрепетали, он с шумом втянул воздух и облизал губы кончиком языка.

– Я схожу по тебе с ума, – произнес его и провел ногтем большого пальца по запястью Стеллы. – А что касается исчезновения шрама... спасибо современной пластической хирургии – при помощи лазера можно удалить и не такое. Но сделал я это за границей, так что ничего не докажешь. Нам ведь было так хорошо вместе! Но я так и не успел распробовать тебя!

Вацлава Черта позвала Амелия. Он досадливо дернул плечом и сказал:

– Адвокатша мне ужасно надоела, болтлива, как сорока, и нудна до опупения. Думаю, настало время пришить и ее. Она сделала свое дело – я на свободе! А знаешь, что будет потом? – Губы Черты дрогнули в ухмылке, Стелла увидела его острые, мелкие, ослепительно белые зубы. – А потом я убью тебя, Стелла! – прошептал он. – Я же сказал тебе сегодня: «Скоро ты станешь моей». Я видел, ты прочла это по моим губам. Очень скоро! Очень!

Его рука, как змея, промелькнула в воздухе, Черт отвернулся и пошел небрежной походкой к Амелии. Стелла, набрав в легкие воздуха, крикнула:

– Госпожа Гольдман, берегитесь, он только что сказал, что собирается убить вас! А затем и меня!

Несколько человек, находившихся в зале, с большим удивлением и, как показалось Стелле, с недоверием посмотрели на нее. Черт галантно подхватил тяжелый портфель, принадлежавший Амелии.

А та, повернувшись, произнесла ядовито и торжествующе:

– Вы, доктор Конвей, никак не можете смириться с тем, что проиграли? Понимаю, тяжело в тридцать лет понять, что карьера закончена. Сочувствую вам, доктор Конвей! Я на днях от имени господина Черта подам иск против вас, Дарбича и министерства внутренних дел. Только мы с моим клиентом пока не решили, на сколько десятков миллионов. Увидимся в суде!

И она вместе с Вацлавом Чертом направилась к выходу. Стелла осталась в зале одна. Дверь приоткрылась, появился охранник и нерешительно произнес:

– Доктор, думаю, вам следует покинуть помещение.

Стелла знала, что ее сейчас ожидает. Она вновь тяжело вздохнула и медленно вышла из зала. Послышался треск фотовспышек, со всех сторон полетели вопросы:

– Доктор Конвей, это конец вашей карьеры? Как давно вы состоите в любовной связи с Феликсом Дарбичем? Правда ли, что вы спали с Чертом и ваше выступление в суде – попытка отомстить бывшему бойфренду? Намерены ли вы подать заявление об уходе?

Кровавый дьявол наносит новый удар

– Сожалею, что потревожил вас в столь поздний час, Стелла, – произнес Теодор Готвальд, глава спецкоманды по поимке Кровавого Дьявола, – но экстраординарные обстоятельства, увы, требуют этого.

Он пожал Стелле руку, доктор заметила, что Готвальд выглядит чрезвычайно уставшим...

Последние шесть дней были для него ужасны. Доктору Конвей казалось, что за неполную неделю, прошедшую с момента признания процесса недействительным и освобождения Вацлава Черта из-под стражи, Готвальд постарел сразу лет на десять. Раньше она знала его энергичным, молодежачавым мужчиной с короткой седой шевелюрой и громким голосом. Но в течение шести дней она видела Готвальда в каждом выпуске новостей – ему приходилось оправдываться, давать разъяснения, признавать вину, – и тот ссутулился, под глазами залегли желто-черные тени, на лице застыла гримаса раздражения.

Готвальд говорил с ней всего несколько минут вечером того дня, когда Черт вышел на свободу. Теодор был известен своим крутым нравом и склонностью к непечатным выражениям, но со Стеллой, которую знал уже почти шесть лет и которую считал одним из лучших своих сотрудников, он был холоден, но корректен.

Доктор Конвей подумала тогда, что лучше бы он кричал на нее, ругался и даже обматерил. Был бы трижды прав! Но Готвальд, избегая смотреть ей в глаза, сухо объявил, что она отстранена от всех текущих дел, отправлена в бессрочный отпуск, а специальная комиссия рассмотрит ее дело и возможность увольнения в течение недели.

Феликс Дарбич ушел в отставку, генеральный прокурор страны получил нагоняй от президента и заявил, что и прочие виновные (то есть Стелла) понесут самое строгое наказание и навсегда потеряют возможность работать в следственных структурах. Доктор Конвей не сомневалась, что ею пожертвуют ради восстановления статус-кво.

Черт покинул зал суда свободным человеком в пятницу, а во вторник на очередной пресс-конференции Амелия Гольдман объявила, что от лица своего клиента предъявила генеральной прокуратуре, министерству внутренних дел, министерству юстиции, а также лично Феликсу Дарбичу и Стелле Конвей ряд исков, общая сумма компенсаций по которым составляла в пересчете на доллары пятнадцать миллионов.

Стелла не читала газет («Королевский сплетник» уже который день обмусоливал ее личную жизнь, вопрошая: «С кем еще спит доктор Конвей, подарившая свободу Кровавому Дьяволу?»), на телефонные звонки не отвечала. Запершись в своей квартире, превратившейся после январского нападения Черта в мини-крепость, оснащенную самой современной сигнализацией и хитроумными ловушками для налетчиков, смотрела телевизор – канал о путешествиях и чудесах природы. Но даже подобные программы прерывались выпусками новостей или сопровождались бегущей строкой, оповещавшей о новых поворотах в деле Вацлава Черта.

Стелле даже не потребовалось отвергать ничью помощь: слава богу, что родители не дожили до позора, обрушившегося на голову их дочери, думала она. А друзей, как, впрочем, и близких родственников, у нее не было, поэтому никто не пытался утешить ее, уверяя, что ничего страшного не произошло.

Телефон время от времени звонил, но Стелла включила автоответчик – покидать Экарест ей было запрещено, но никто не мог обязать ее брать трубку. Звонили журналисты, пара коллег, снова журналисты, старенькая тетка и снова журналисты. Стелла подспудно опасалась, что объявится Вацлав Черт, но тот не торопился воплощать свои обещания в жизнь.

Всего единожды она подошла к телефону – чтобы позвонить Феликсу. Трубку сняла девочка, вероятно, одна из его дочерей.

– Вы из какой газеты? – раздалось вместо «алло».

– Я коллега папы, – слукавила Стелла. – Он мне очень нужен.

– Папа заперся в кабинете и ни с кем не хочет говорить, – бойко и не без удовольствия объяснила девочка: видимо, она была из тех людей, кто получает от скандала и хаоса большое удовольствие.

– Передай ему, что... что звонит Стелла, – произнесла доктор Конвей. И услышала дробный топот, а затем возбужденный голос девочки: «Мамочка, мамочка, звонит та самая тетя, которая с нашим папой шуры-муры разводила и помогла освободить маньяка!»

В наушнике зашуршало, и сразу раздался резкий женский голос:

– Как вы после всего того, что причинили моему мужу, осмеливаетесь звонить сюда? Вы – бессовестная, дрянная гадина! Вы разрушили его карьеру, погубили репутацию, лишили моих детей средств к существованию!

Супруга Феликса положила трубку, и Стелла поняла, что с ее стороны было ошибкой пытаться поговорить с Феликсом. Даже если бы он подошел к аппарату, что бы она сказала? Что ей ужасно жаль и она не хотела причинить ему вред?

Поздно вечером в четверг, начиная с половины двенадцатого, телефон звонил с периодичностью в каждые две-три минуты. К тому времени память цифрового автоответчика была уже заполнена множеством сообщений (Стелла намеренно не стирала их, чтобы вездесущие журналисты не нервировали, неся чушь и прося об эксклюзивном интервью), поэтому доктор Конвей не знала, кто именно добивается ее в столь поздний час? В конце концов она выключила телефон, хотя знала, что не должна этого делать.

Когда в начале второго раздалась трель домофона и на экране камеры Стелла увидела двух человек, развернувших удостоверения министерства внутренних дел, сердце у нее оборвалось: она поняла, что решение принято. Ее уволили и, по всей видимости (зачем же тогда понадобилось посреди ночи посылать к ней верных псов Готвальда?), решили для острастки заключить под стражу.

Появившиеся молодые люди, облаченные в черные костюмы и стандартные мешковатые плащи, с хмурыми индифферентными лицами и бритыми затылками, ничего объяснять не стали. Но и никаких бумаг (ордера на арест!) они не предъявили, просто заявив, что госпожа Конвей обязана пройти с ними. На сборы ей дали пять минут.

Стелла быстро переделась, сменив халат на строгий черный костюм. Волосы она забрала в пучок и надела очки. Из зеркала на нее смотрела испуганная и не знающая, как жить дальше, особа неопределенных лет – спать за прошедшие дни ей удавалось не больше трех-четырех часов в сутки, и то днем, при закрытых жалюзи и включенном торшере.

На вопросы молодчики не отвечали. В лифте, пока они спускались с тридцать восьмого этажа в холл (Черт проник в ее квартиру, располагавшуюся на втором этаже старинного особняка, вскарабкавшись по кирпичной стене, поэтому, решив сменить жилье, Стелла остановила свой выбор на недавно выстроенном небоскребе с совершенно гладкими стенами и затемненными окнами), один из них доложил по мобильному: «Мы ее взяли».

Стеллу усадили на заднее сиденье черного джипа с государственными номерами, оба молодчика сели по бокам, словно боясь, что она попытается сбежать. Водитель, еще один субъект в черном костюме, игнорировал светофоры и правила дорожного движения. Во время поездки по столице доктор Конвей, исподтишка посматривая в окно, пыталась сообразить, куда же ее везут. Когда подъезжали к зданию одной из тюрем, машина начала сбрасывать скорость, и Стелла вообразила, что ее отправят в камеру предварительного заключения.

Однако автомобиль, плавно повернув около тюрьмы, поехал дальше, в направлении аэропорта. Тогда Стелла подумала, не хотят ли ее переправить куда-нибудь в глубь страны, там ведь предостаточно тюрем. И вдруг джип неожиданно затормозил – они находились в районе фешенебельных вилл на выезде из столицы.

– Что мы здесь делаем? – спросила доктор Конвей, но ответа удостоена не была.

Выйдя на свежий морозный воздух (температура в столице ночью упала до минус семи), Стелла заметила большой особняк в стиле Тюдоров. Около ворот толпились люди. Один из них направился к доктору Конвей, и она узнала Теодора Готвальда, своего начальника – бывшего или все еще настоящего, она так и не знала.

– Сожалею, что потревожил вас в столь поздний час, Стелла, но экстраординарные обстоятельства, увы, требуют этого, – произнес он, пожимая женщине руку. – Вы не подходили к телефону, хотя находились в квартире, пришлось послать за вами моих ребят.

– Вы что, следили за мной, поэтому так уверены, что я не покидала квартиру? – спросила саркастически Стелла.

Готвальд, потерев шею, ответил:

– Да, именно так.

– Вы отдали команду следить за мной? – произнесла Стелла, не зная, стоит ли ей удивиться или рассердиться. – Но почему, Теодор? Я разве дала повод... – И осеклась: повод она дала.

– Мы не исключали возможности, что вы действуете заодно с Чертом. Хотя, скажу честно, лично я не верил полностью в то, что это возможно.

– Не верили полностью? – переспросила Стелла.

Получается, что Готвальд, знавший ее в течение шести лет без малого и раскрывший с ней десятки, если не сотни дел, все-таки не исключал того, что она работает на маньяка?

Готвальд молча развернулся и зашагал к чугунным воротам. Стелла заспешила за ним, продолжая прояснять ситуацию.

– Шеф, выходит, что вы обращались... обращаетесь со мной как со шпионкой, следили за мной, подозревали в сговоре с Чертом... А «жучки» в квартиру поставили? Зачем вы приказали привезти меня сюда? Это что, ваш дом?

– Хорошего же вы обо мне мнения, Стелла, – без тени улыбки заявил вместо ответа Готвальд.

Он махнул рукой, и ворота распахнулись. Они прошли на территорию небольшого поместья и двинулись к освещенному особняку.

– Чтобы заработать на подобный дворец, мне понадобилось бы беспрестанно трудиться во славу отечества около трехсот лет, – сказал Готвальд. – Вы требуетесь мне в качестве эксперта.

– Отчего такая перемена? – задала вопрос доктор Конвей. – Я же пария, от меня требуют выплаты нескольких миллионов долларов в карман Вацлаву Черту за нанесенный ему моральный ущерб, и дисциплинарный комитет наверняка принял решение о моем бесславном увольнении...

Готвальд на ходу поправил:

– Заседание было назначено на завтра. Но я уже позвонил, и его перенесли на неопределенный срок. Если вам повезет, Стелла, то оно вообще не состоится. Но вам должно крупно повезти! Очень!

С этими словами он поднялся по гранитным ступенькам и подошел к массивной деревянной двери. Стелла вступила вслед за ним в холл. Пол здесь был выложен мраморной мозаикой, копиравшей фривольный орнамент, обнаруженный при раскопках виллы какого-то патриция в Геркулануме, сметенном с лица земли во время легендарного извержения Везувия: фавны, преследующие обнаженных нимф, сатиры, уестествляющие дриад, простые смертные, предающиеся любви с богами.

Особняк, отметила для себя доктор Конвей, явно принадлежал человеку, обладавшему большими деньгами, но не бездной вкуса. Еще один штришок: картины импрессионистов,

украшавшие драпированные темно-синим бархатом стены, – в том случае, если они подлинники, – стоят безумно дорого.

– Кто-нибудь объяснит мне, в чем дело? – спросила Стелла Конвей во весь голос. Сотрудники, сновавшие по холлу, воззрились на нее.

Готвальд, поднимавшийся по большой лестнице на второй этаж, остановился и обернулся:

– Черт совершил новое убийство – жертвой стала его собственная адвокатша, та самая Амелия Гольдман, что вытащила на свет божий паскудную историю о вас и заместителе прокурора.

– Что?! – воскликнула потрясенная Стелла, не веря собственным ушам. Сотрудники, замершие на секунду, возобновили деятельность, неловко скрывая смущение.

Готвальд, неверно интерпретировав возглас спутницы, договорил жестко:

– Не рассчитывайте на извинения от меня, если задел ваши нежные чувства, Стелла. О том, что вы спали с Дарбичем, известно теперь всей стране и даже в других государствах. О вас сообщали даже по Би-би-си и Си-эн-эн. Можете гордиться!

Стелла покраснела.

– Не в том дело, шеф, я не воспитанница института благородных девиц, чтобы падать в притворный обморок при каждом упоминании о факте моего прелюбодеяния. Просто... Черт в зале суда пообещал мне, что убьет Амелию, а также меня, и теперь вы говорите...

– Следуйте за мной, – прервал ее Готвальд. А когда Стелла поднялась вслед за ним на второй этаж, негромко произнес: – О том, что он вам угрожал, вы были обязаны доложить мне изначально!

– Разве это что-либо изменило бы, шеф? – спросила Стелла. – Никто не сомневался в моей вине, да и я не отрицаю, что из-за моей связи с Феликсом все полетело псу под хвост... и вы сами подозревали меня в сговоре с Чертом, поэтому ни одному моему слову не поверили бы...

– В следующий раз обо всем немедленно докладывать мне лично! – приказал Готвальд. – И не при таком стечении народа, Стелла!

От лестницы они направились по коридору к комнате, из дверей которой лился яркий свет.

– Значит, он таки убил Амелию? – спросила Стелла.

– Убил, – подтвердил Готвальд. – Сейчас все сами увидите!

Доктор Конвей вошла в большую комнату, оказавшуюся спальней. И сразу в нос ей ударил специфический запах крови. Стелла подавила волну тошноты, внезапно накрывшую ее, и замерла на пороге.

Ворсистый белый ковер был залит кровью. Кровь была и на стенах лавандового цвета, на картинах, на фотографиях, на венецианском зеркале-трюмо, уставленном флаконами, коробочками и тюбиками, и даже на золоченом вентиляторе под потолком.

– Черт превзошел самого себя, – произнес один из медицинских экспертов, склонившийся над большой двуспальной кроватью. На постели крови было больше всего.

Стелла, стараясь не наступать на бордовые разводы, подошла к эксперту. Знаменитый адвокат по уголовным делам Амелия Гольдман лежала на кровати: руки, как и у всех жертв Черта, прикреплены наручниками к спинке, лицо превращено в кровавую маску, обнаженное тело покрыто множеством ран.

– М-да... Наш общий друг постарался... – заметил Готвальд.

– Можно и так сказать, – отозвался медицинский эксперт. – Почерк Кровавого Дьявола, никаких сомнений. Детальный отчет смогу представить не раньше утра, после вскрытия. Как и всем предыдущим, он перерезал ей глотку и, пока она агонизировала, изнасиловал. Не сомневаюсь, что, как и во всех предыдущих случаях, использовал презерватив, ибо видимых следов

спермы нет. Затем устроил бойню – на первый взгляд не меньше пятидесяти ножевых ранений, кожа с лица срезана, причем сделал он это, когда она еще была жива.

Стелла на мгновение вспомнила события десятилетней давности – она, как и Амелия, находилась в полной зависимости от Вацлава Черта, и только по благоприятному стечению обстоятельств ей удалось выжить.

– С вами все в порядке? – обеспокоенно спросил Готвальд.

Доктор Конвей, взяв себя в руки, поспешила успокоить шефа:

– Да, да. Когда было обнаружено тело?

– Два с половиной часа назад, – ответил Готвальд. – Горничная Амелии Гольдман нашла ее, у бедной женщины до сих пор шок.

– А Черт? – осторожно спросила Стелла.

– Исчез, – ответил начальник. – Все силы столичной полиции брошены на его задержание. Это же неслыханно – Черт решил воспользоваться небывалым шансом и, оказавшись на свободе, снова принялся за убийства!

Стелла подумала: если бы не ее оплошность, Амелия осталась бы в живых. Хотя она ведь пыталась предупредить адвокатшу, но та не пожелала слушать. Гольдман знала, что имеет дело с безжалостным убийцей, однако была уверена, что ее-то Черт не тронет – еще бы, она же его защитница! За свою самоуверенность Амелия поплатилась жизнью.

Настало время осмотреть место преступления. Готвальд пояснил:

– Мы должны убедиться, что перед нами новая жертва Черта, а не имитатора его злодеяний. Вы, Стелла, как никто другой, знакомы со всеми деталями, так что осмотритесь...

Доктор Конвей прошла по спальне, заглянула в ванную комнату, спросила:

– Как он проник в дом?

– Следов взлома нет, – ответил Готвальд, – создается впечатление, что Амелия впустила его.

– Обычно Черт проникал в дома жертв тайно, – заметила Стелла.

Она с беспокойством вспомнила о том, что обещал маньяк – после адвокатши жертвой станет она сама. Оставалось надеяться на то, что полиция нападет на его след и арестует до того, как тот доберется до Стеллы.

– Куда мог скрыться Черт? – произнесла она вслух вопрос, который тревожил ее больше всего.

– Едва я получил сообщение о произошедшем убийстве, – заговорил Готвальд, – то немедленно распорядился выслать группу захвата к нему домой. В квартире никого не оказалось, а у оперативников создалось впечатление, что Черт там после освобождения и не появлялся – везде пыль, никаких следов хозяина. Скорее всего, он снял номер в какой-нибудь гостинице. Мои ребята отслеживают его кредитную карточку, но пока результатов нет. Ну ничего, рано или поздно мы его схватим! Физиономия его слишком известна, никуда он не денется! Совершив это убийство, Черт выдал себя с головой, когда мы его поймаем, в нашем распоряжении будут неопровержимые доказательства его вины.

– Не удивлюсь, если выяснится, что у Черта имеется тайное логово, о котором мы не имеем представления, – заметила Стелла. – И, вероятно, у него имеется паспорт, а то и несколько, на другое имя, а также предостаточно наличности. Или существует несколько счетов на подставных лиц.

– Что вы хотите сказать? – произнес недоверчиво Готвальд. – По всей столице проходит спецоперация, цель которой – задержание Черта нынче ночью. Я уверен, мои сотрудники справятся! Еще до рассвета мерзавец окажется в наших руках! Оказавшись на свободе, он потерял голову от радости и, соблазнившись легкой добычей, лишил жизни Амелию Гольдман.

Стелла так не считала. Она не сомневалась: убийство адвокатши не было спонтанным актом, Черт тщательно готовился к нему. Амелия, сама того не ведая, превратилась в игрушку

в руках маньяка – он манипулировал Гольдман, подбросив ей улики, которые вынудили судью признать процесс недействительным...

Ее размышления прервало появление одного из помощников Готвальда. Он протянул шефу мобильный телефон. Тот, выслушав донесение, воскликнул, сияя:

– Его только что взяли, Стелла! Наглец как ни в чем не бывало развлекался в ночном клубе! Я же сказал, что еще до рассвета он окажется в наших руках! Я лично примусь за его допрос, и он живо выложит мне всю правду! Убив адвокатшу, Черт совершил большую ошибку: никто из столичных законников экстра-класса не захочет защищать его, ему дадут государственного адвоката, а те красноречием и сообразительностью не отличаются, так что на новом процессе никто не сможет устроить театр. Ну что ж, поехали, Черта везут в тюрьму!

– Но улики... – заикнулась Стелла. – Пока в нашем распоряжении нет ни единой улики...

– За ними дело не станет, – холодно отрезал Готвальд, выходя из спальни покойной Амелии Гольдман. – Этот тип признается мне не только в убийстве адвокатши, но и во всех прочих преступлениях!

Скоро ты станешь моей...

Вацлав Черт вел себя на удивление спокойно и уверенно. Стелла, наблюдая за ним через зеркальное стекло из небольшой комнатки, нашпигованной записывающей аппаратурой, видела перед собой скучающего человека. Одетый в черные джинсы и пеструю батиковую рубашку, закинув ногу на ногу, Черт восседал на металлическом стуле. Внезапно он посмотрел прямо в глаза Стелле, находившейся с противоположной стороны большого зеркала, и произнес:

– Добрый вечер, моя хорошая. Мне жаль, что вырвал вас из объятий ваших кошмаров. Но ничего, скоро вы вернетесь к ним!

По телу Стеллы пробежали мурашки. Откуда Черт может знать, что она находится в смежной комнатке? Он не в состоянии видеть ее!

Маньяк улыбнулся и приветливо помахал рукой. Что-то в его поведении настораживало Стеллу – он вел себя уж слишком самоуверенно. Она надеялась, что после убийства Амелии он предпочтет скрыться, а вместо этого... Ведь Черта задержали в одном из самых известных ночных заведений Экареста! Он и не пытался бежать! Был с полицейскими корректен, а прибыв в тюрьму, первым делом потребовал своего адвоката – Амелию Гольдман.

Дверь комнаты для допросов распахнулась, появился Теодор Готвальд в сопровождении своего заместителя. Черт расплылся в улыбке и произнес:

– Господин руководитель группы по моему задержанию, как же я рад видеть вас! Чему обязан подобной весьма сомнительной честью лицезреть вас в столь поздний час? Или я нарушил какое-то неведомое мне предписание, развлекаясь в ночном клубе?

Готвальд, подойдя к Черту, наотмашь ударил его по лицу. Стелла увидела, как из разбитой губы задержанного потекла тонкая струйка крови. Глаза Черта загадочно сверкнули, и на секунду Стелле показалось, что он чрезвычайно рад произошедшему.

– Мы знаем, что это ты убил ее, – произнес Готвальд, тяжело дыша. – И не пытайся юлить, мерзавец!

– О чем вы? – утирая тыльной стороной ладони кровь со рта, произнес Черт. Стелла отметила, что у него великолепно получается разыгрывать невинного.

Вместо ответа Готвальд сильно толкнул его в грудь, стул, на котором сидел Черт, пошатнулся. Задержанный попытался встать, Готвальд нанес ему удар в живот.

– Ты отлично знаешь, о чем я веду речь, – произнес он.

– Я требую... требую предоставить мне свидание с адвокатом... – задыхаясь, прошептал Черт. – Вы не имеете права подвергать меня физическому насилию, это противозаконно...

– Физическое насилие? – делано удивился Готвальд. – О каком насилии ты ведешь речь, приятель?

– Вы избиваете меня, – прогнусавил Черт.

– Мы избиваем тебя? – ужаснулся Готвальд и со всей силы ударил Черта двумя ладонями по ушам. Тот с протяжным стоном повалился на пол. – Кажется, ты страдаешь галлюцинациями, – заявил Готвальд. – Никто тебя не избивает, а вот сам, наоборот, ты буйствуешь и наносишь себе увечья.

– Мой адвокат Амелия Гольдман... – проронал Черт.

Готвальд с размаху «поддел» задержанного ногой и заявил:

– Тебе лучше, чем кому бы то ни было, известно, что твоя адвокатша мертва: ты убил ее сегодня вечером. Ну что, хочешь сделать чистосердечное признание?

– Я не понимаю, о чем вы говорите... – услышала Стелла тихий голос Черта.

Готвальд, рывком подняв Черта с пола, бросил его на металлический стол и принялся избивать. Доктор Конвей отвернулась. Она знала, что ее вмешательство не избавит Черта от

мер физического воздействия. Странно, однако она испытывала непонятное чувство по отношению к Вацлаву Черту – нечто похожее на жалость.

– У тебя есть возможность в любой момент остановить происходящее, – заявил Готвальд, нанося удар за ударом. – У моего заместителя имеется признание, от тебя требуется лишь подписать его. Как только поставишь свою закорючку, мы оставим тебя в покое. Ты меня понял, Черт?

– Стелла! – услышала доктор Конвей свое имя и вздрогнула. Черт обращался к ней. – Я ни в чем не виновен, клянусь вам! Помогите мне, прошу вас! Иначе ваш начальник убьет меня...

Готвальд продолжал истязать Вацлава Черта. Стелла слышала мерные удары и стоны задержанного. Наконец раздался хриплый шепот:

– Я согласен, я все подпишу... Только прекратите!

– Вот это мне нравится, – похвалил Готвальд и, схватив за волосы лежащую на столе голову Черта, приподнял ее. Заместитель шефа раскрыл папку и услужливо подал ее Черту. Готвальд вложил в пальцы задержанного ручку.

– Можешь не читать, – заметил он со смешком. – Здесь перечисляются твои деяния: все убийства, в том числе последнее, жертвой которого стала Амелия Гольдман. Можешь, впрочем, добавить и другие, совершенные тобой.

– Амелия мертва? – прошептал Черт.

– Не изображай из себя дебила! – ударив его по шее, воскликнул Готвальд. – Конечно, мертва, ты ведь сам убил ее всего несколько часов назад. Ну, я жду! Или ты хочешь, чтобы возобновились воспитательные меры?

Черт склонился над бумагами, задумался, поднес ручку к признанию и... энергичным жестом перечеркнул его крест-накрест.

– Я не собираюсь сознаваться в том, чего не совершал, – заявил он с вызовом и швырнул ручку под ноги Готвальду. – Повторяю, я невиновен!

– Значит, невиновен? – протянул зловеще Готвальд.

Лицо шефа налилось кровью. Стелла поняла, что тот находится на грани нервного срыва. Это может закончиться фатально как для Черта, так и для него самого. Он и так нарушил должностные инструкции, подняв на задержанного руку.

Доктор Конвей выбежала из комнатки и прошествовала в соседнее помещение.

– Шеф, остановитесь! – сказала она, появляясь в тот самый момент, когда Готвальд, повалив Черта на пол, занес ногу над его лицом.

– Что вы здесь делаете? – воскликнул Готвальд. – Убирайтесь прочь, Стелла!

– Побоями вы ничего не добьетесь, только усугубите ситуацию, – ответила доктор Конвей. – И кроме того, я не могу безучастно наблюдать за тем, как вы применяете силу в отношении задержанного. Мне чрезвычайно жаль, шеф, но я не могу допустить, чтобы вы избивали господина Черта...

* * *

Дверь комнаты для допросов раскрылась, на пороге возник солидный господин в дорогом темном костюме с лазурным галстуком, украшенным сверкающей булавкой. В появившемся субъекте Стелла узнала одного из самых знаменитых адвокатов столицы, коллегу покойной Амелии Гольдман, Вольдемара Канна.

– Немедленно отойдите от моего клиента! – с вызовом произнес он.

– Кто вы такой и что здесь делаете? – произнес, опешив, Теодор Готвальд. Он явно не ожидал увидеть в комнате для допросов постороннего.

– Кажется, я когда-то имел несчастье быть вам представленным, – процедил адвокат и подошел к лежащему на полу Вацлаву Черту. – Меня зовут Вольдемар Канн, я – защитник господина Черта. Как только мне стало известно о его аресте, я немедленно отправился сюда, чтобы представлять его интересы. Как я вижу, вы не теряли времени и попросту жесточайшим образом избili моего клиента. Учтите, это выйдет вам боком! Я потребую вашего отстранения от расследования. Или вам мало тех миллионов, которые господин Черт потребовал в качестве компенсации от государственных органов и частных лиц, причастных к возбуждению дела по ложным обвинениям?

Адвокат помог Черту подняться. Тот, издавая громкие стоны, изображал из себя тяжело раненого.

– Что, теперь твой защитник – мужчина? – процедил Готвальд. – Не бойтесь, адвокат, что после того, как вызволите Черта из тюрьмы, он проникнет к вам в дом и вырежет всю вашу семью?

Вольдемар Канн, проигнорировав замечание Готвальда, усадил Черта на стул, затем раскрыл большой кожаный портфель и вытащил пачку документов, которые швырнул на стол.

– Сразу отвечу на ваш бестактный последний вопрос: я холостяк, семьи у меня нет. Теперь по делу: вы арестовали моего клиента по подозрению в убийстве Амелии Гольдман. Однако имеется свидетельница, которая готова под присягой подтвердить то, что весь прошедший вечер, с двадцати часов до момента своего задержания, господин Вацлав Черт находился вместе с ней в ночном клубе «Рай и ад». Насколько мне известно, примерное время убийства – двадцать три часа – двадцать три часа тридцать минут. Согласно показаниям свидетельницы, мой клиент был в это время с ней!

Готвальд хмыкнул:

– Не может быть! Ваша свидетельница ошибается или врет! Никаких сомнений нет, что Амелию Гольдман убил Вацлав Черт!

– Тогда докажите это! – заявил адвокат. – У вас имеется двадцать четыре часа, чтобы после задержания предъявить господину Черту официальное обвинение. И на сей раз, не сомневаюсь, прокуратура не будет спешить с этим – кому хочется снова попасть впросак и столкнуться с новым иском. А пока что требую перевода моего клиента в тюремный лазарет и регистрации всех его увечий и повреждений. В дальнейшем, господин Готвальд, вы ответите за избиеие моего подопечного самым строгим образом!

Теодор Готвальд, крепко выругавшись, вышел из комнаты для допросов. Вацлав Черт, с трудом приоткрыв уже опухающий глаз, повернулся к Стелле:

– Спасибо, что попытались спасти меня, доктор! Я никогда этого не забуду! Мы ведь еще встретимся?

Стелла выбежала вслед за шефом. Она нагнала его в коридоре и сказала:

– Не сомневаюсь, что алиби Черта окажется бронбойным, иначе бы он не позволил задержать себя.

– Что вы хотите сказать? – произнес в раздражении Готвальд. – Что Амелию убил не он?

– Напротив, я уверена в том, что Гольдман стала его новой жертвой, однако Черт играет с нами в кошки-мышки, – возразила Стелла, подумав, что в первую очередь маньяк играет с ней. – Вам стоит приготовиться к тому, что его новый адвокат потребует отстранить вас от ведения дела, предъявит новый иск на огромную сумму и будет давать направо и налево интервью, живописуя кошмары, которые довелось пережить его клиенту. Он же элементарно спровоцировал вас, добившись, чтобы вы подняли на него руку. Теперь он – жертва полицейского произвола. Черт выйдет на свободу...

– Никуда он не выйдет! – вспыхнул Готвальд. – Он убил три десятка женщин! И это те жертвы, о которых нам известно, не исключено, что имеются и другие. Я готов отвечать

за содеянное и не раскаиваюсь в том, что избил Черта. С еще большим удовольствием я бы отправил его на тот свет...

– Он добивается того, чтобы выглядеть мучеником, – убеждала доктор Конвей, – заставляет нас совершать ошибки и делать неправильные ходы. После того что вы совершили, шеф, нам будет крайне сложно убедить прокуратуру начать работу над новым процессом.

Свидетельницей, обеспечивавшей алиби Черта, была молодая девица, которая, как выяснилось, являлась внештатным корреспондентом «Королевского сплетника». Она твердо стояла на своем – с двадцати часов десяти минут до момента задержания она вместе с Чертом была в клубе «Рай и ад», и задержанный покидал ее всего два раза, чтобы навеститься в туалет, причем не дольше чем на пять минут. Нашлось и еще несколько человек – вышибалы, бармен, несколько гостей, стриптизерши, уверявшие, что Черт в самом деле находился в клубе.

Под утро Готвальд получил отчет патологоанатома: Амелия Гольдман умерла между одиннадцатью и половиной двенадцатого вечера. На месте преступления не было обнаружено ни единой улики, позволяющей изобличить Черта и доказать его причастность к убийству столичной адвокатши.

Стелла находилась в кабинете Готвальда, изучая отчет о вскрытии и протокол допроса свидетелей. Готвальд, мрачно пивший кофе, спросил:

– И что вы обо всем этом думаете? Он что, подобно доктор Джекиллу и мистеру Хайду, один в двух лицах? Или у него имеется подражатель или, что еще хуже, неведомый помощник?

Доктор Конвей, в очередной раз рассмотрев фотографии с места убийства Амелии Гольдман, ответила:

– У меня нет сомнений: и это преступление, и предыдущие совершены одним и тем же человеком – Вацлавом Чертом. Ничто не указывает на наличие сообщника. Да Черту никто и не требуется – он привык наслаждаться своими ужасными деяниями в одиночку. Он мнит себя гениальным убийцей и исключительной личностью, и все те, кто оказывают ему помощь, совершают это либо по незнанию, как Амелия Гольдман, либо по глупости, как свидетельница из ночного клуба.

– Так она лжет или нет? – взвился Готвальд.

– Частично, – ответила Стелла. – Прочие свидетели – гости, стриптизерши, бармен, охранники – готовы подтвердить, что видели Черта в клубе: как он вместе с девицей входил туда в начале девятого вечера, как танцевал, заказывал напитки, перебрасывался парой слов со случайными знакомыми и так далее. Но никто, за исключением свидетельницы, не может поклясться, что Черт был в клубе на протяжении всего времени.

– Значит, вы думаете, – сказал, ударяя кулаком по столу Готвальд, – что девчонка врет, выгораживая Черта?

Стелла пояснила:

– Черт, как мы знаем, умеет манипулировать людьми. Если ему удалось провести такую ушлую и хитрую особу, каковой была покойная Амелия Гольдман, то перетянуть на свою сторону глуповатую и жаждущую сенсационного репортажа молодую внештатную журналистку для него проще простого. Спрашивается, с чего вдруг он отправился в ночной клуб, если мы знаем, что раньше он никогда не посещал подобные заведения? Его увлечения – книги садистского содержания, которыми он наслаждается под музыку Вагнера в полном одиночестве, планируя очередное убийство. Так вот: в клуб он отправился, дабы создать себе алиби. Там его видело много народу, но его коронный свидетель – журналистка. Кстати, не находите, что в восемь вечера рановато отправляться в ночной клуб?

– Но как он заставил ее солгать? Запугал? – предположил Готвальд.

– Нет, скорее всего пообещал эксклюзивное интервью и сенсационные откровения, вот дурочка и клюнула, – пожала плечами Стелла. – Вы же ее видели: двадцать три года, недавно окончила университет, постоянного места в газете не нашла, поэтому работает внештатным

корреспондентом, однако надеется на прорыв и головокружительную карьеру. Когда Черт предложил ей отправиться с ним в клуб, а затем, после его ареста, подтвердить его алиби, она наверняка была на седьмом небе от счастья. Я с ней говорила, она не задумывается о том, что покрывает безумного маньяка, все разговоры сводятся к одному: как здорово – написать душераздирающий репортаж и статью в мгновение ока знаменитой, тогда все известные «желтые» газеты столицы предложат ей долгожданное место. Ради сенсации она готова пойти на что угодно!

– Я заставлю ее сказать правду! – выкрикнул Готвальд. – Девчонку надо как следует потрясти, она живехонько выложит все, как на духу!

– Шеф, вам лучше держаться от нее подальше, – сказала Стелла. – Адвокат Черта уже оповестил общественность о том, что вы едва не убили его, выбивая признание. Если станет известно, что вы оказываете давление на свидетельницу... Разрешите мне еще раз переговорить с ней!

– Только неофициально, – ответил в раздражении Готвальд. – Не забывайте, что вы отстранены от работы.

* * *

Агнешка Липой, невысокая, с короткими рыжими волосами и мелкими чертами хитроватого личика, покрывала ногти серебристым лаком, когда Стелла Конвей вошла в комнату для допросов. Заметив ее, журналистка продемонстрировала ей пальцы и жеманно спросила:

– Вам нравится? В этом сезоне самый писк!

Девица производила впечатление недалекой особы, однако свои права она знала отлично. Не успела Стелла опуститься на стул, как Агнешка, спрятав пузырек с лаком в сумочку, спросила:

– Как долго вы намереваетесь мариновать меня здесь? Я сказала вам все, что знала.

– Агнешка, я хотела бы еще раз услышать вашу версию того, что произошло прошлым вечером, – произнесла доктор Конвей.

Журналистка надула губки.

– Да сколько можно рассказывать, у меня уже язык устал! Вы и ваши коллеги слышали это уже десять раз!

– И все же... – настаивала Стелла.

Агнешка вздохнула:

– Ну ладно, Вацлав забрал меня в половине восьмого, мы отправились в «Рай и ад». Я уже давно хотела там побывать, но туда ведь не так-то легко попасть. А у него связи, он же работает... работал в администрации президента! Обещал меня познакомить с влиятельными людьми, у которых я могла бы взять интервью. – Агнешка закатила глаза и всплеснула руками. – Он платил за меня, был таким галантным! Вы не представляете, Вацлав – отличный рассказчик!

– И что же он вам рассказывал? – спросила Стелла Конвей.

– Разное, – уклонилась от прямого ответа Агнешка, и в глазах промелькнули озорные огоньки.

– Рассказывал, например, о том, что в детстве был нелюдимым и жестоким? – спросила Стелла. – Что вырос в деревне, где его любимым занятием было сворачивать голову утятам и цыплятам да топить в колодце щенков и котят?

– Нет, но... – залепетала Агнешка.

– А поведал ли он, что не пользовался ни в школе, ни в институте популярностью у девушек, поэтому напал на одну из сокурсниц и попытался ее изнасиловать?

– Я не знала... – начала журналистка.

– А о том, что его подозревали в глумлении над трупами в ту пору, когда он учился на медицинском и подрабатывал сторожем в морге?

Агнешкина улыбка исчезла.

– Я же знаю, что вы пытаетесь его очернить, вы – та самая докторша, которую он бросил. Вацлав мне все о вас рассказал! Что вы глубоко фрустрированная особа с массой комплексов, у вас в течение последних трех лет не было мужика, а до того – всего пара случайных связей, что вы затащили его в постель, а потом, когда вы ему надоели и Вацлав с вами расстался, решили ему отомстить!

– Вот, значит, что он поведал вам обо мне? – медленно произнесла Стелла, стараясь сохранить спокойствие. – Взгляните сюда, Агнешка! – И она пододвинула к девушке папку.

– Что это? – спросила та и раскрыла папку. Глаза молодой журналистки распахнулись, она ойкнула и побледнела.

– Перед вами фотографии седьмой жертвы Вацлава Черта, – стала пояснять Стелла. – Она была убита самым жестоким образом – эксперты насчитали на ее теле восемьдесят три ножевых ранения. На следующей фотографии двадцатая жертва, молодая женщина была на третьем месяце беременности, вместе с ней погибла и ее дочка. А еще ниже – фотографии Амелии Гольдман, защитницы Черта, которую он использовал для своих целей. Она, как и вы, считала, что Черт не сможет обхитрить ее. Фатальная ошибка. Ибо именно Черт контролирует ситуацию, хотя у вас создается ложное впечатление, будто он у вас на крючке. Амелия, с моей невольной помощью, добилась признания процесса над Чертом недействительным, избавила его от тюрьмы. И чем он отплатил ей? Жестокой смертью: на ее теле насчитали пятьдесят четыре ножевых ранения. Он перерезал ей горло и изнасиловал, а затем срезал ткани лица и дождался, пока она истечет кровью. Так заслуживает ли этот субъект того, чтобы вы его спасали? Если он выйдет на свободу благодаря вашим ложным показаниям, то первым убьет вас, Агнешка. Вы чрезвычайно опасная свидетельница! Я знаю, что он покидал вас в клубе на некоторое время, но вы молчите об этом. Скажите правду, и тогда вы сможете написать грандиозный репортаж! Еще бы, вы станете знамениты на всю страну, нет, на весь мир! Вы сможете упечь Кровавого Дьявола за решетку, любое издание предложит вам высокооплачиваемую работу, вами заинтересуется телевидение!

Агнешка колебалась. Стелла знала, что если задействовать страх и тщеславие, то почти всегда можно добиться требуемых результатов. Не исключено, что молодая журналисточка считает, что влюблена в Вацлава Черта, он был для нее неким воплощением гламурного мира, ведь о нем писали газеты и сообщало телевидение. Поэтому требовалось донести до сознания падкой на сенсации и жаждущей славы девчонки, что Черт – не поп-певец или олимпийский чемпион, а убийца, отправивший на тот свет почти тридцать женщин. Тогда можно надеяться, что девица поймет свою ошибку и даст показания.

– Я... Вацлав... Он просил меня... – произнесла наконец Агнешка.

Стелла приободрила ее:

– Расскажите, как было на самом деле. Он ведь наверняка сказал, что вы ему нравитесь и что он поможет вам стать автором сенсации?

– О чем это вы? – вдруг выпалила журналистка. – Сенсация... Какая сенсация? Я сказала все, что знала! Или у вас имеются еще какие-то вопросы? Тогда задавайте их побыстрее, я хочу отправиться домой! Хотя... Хотя чего я жду? Я ведь свидетельница, следовательно, нахожусь здесь по собственной воле. И удерживать меня у вас нет никакого права! – Девица поднялась и направилась к двери.

– Агнешка, у вас пока еще имеется возможность спасти свою жизнь и жизнь других женщин! – крикнула Стелла Конвей.

Но та самоуверенно ответила:

– Я раскусила вас, доктор, вы хотите использовать меня в своей игре! Вы требуете от меня рассказать прав... я хотела сказать – требуете поддержать версию, которая вам выгодна. Тогда вы арестуете Вацлава, а сами сможете реабилитироваться. За мой счет хотите стать той, кто упек Кровавого Дьявола в тюрьму. Не получится! Если кто его в тюрьму и отправит, так только я! Но не когда вы мне прикажете, а когда я сама захочу!

– Значит, вам известно нечто такое, что может доказать вину Вацлава Черта... – начала Стелла, но журналистка перебила ее:

– Я не сказала «Вацлава Черта», я сказала Кровавого Дьявола». А Вацлав ни в чем не виновен. Он был все время со мной в клубе, с восьми вечера до того момента, когда его арестовали эти мужланы в масках и с автоматами наперевес. Еще вопросы? Нет? Тогда чао, доктор, мне надоело у вас в тюрьге, я ужас как хочу принять душ и завалиться побыстрее спать!

Журналистка выскочила из комнаты для допросов и с силой хлопнула дверью. Стелла вышла в коридор, где к ней подошел Готвальд.

– Вам почти удалось склонить ее к тому, чтобы дать показания против Черта, – заметил он поощряюще. – И не ваша вина, что девчонка оказалась такой сумасбродной. Ничего, в ближайшие дни мы сумеем вытащить из нее правду.

– Как бы не опоздать, – ответила Стелла. – Черт приложит все силы, чтобы ликвидировать Агнешку. Кстати, где он?

Шеф помрачнел.

– Десять минут назад покинул следственный изолятор в сопровождении своего адвоката. Если Черт и его пришьет, то я буду только рад – такой беспардонный тип! Я распорядился установить за Чертом негласное наблюдение, и стоит ему сделать один неверный шаг, приблизиться к чужому жилищу или, не дай бог, наведаться на квартиру к юной журналисточке, как его тут же схватят с поличным.

– Приставьте охрану и к ней, – попросила Стелла.

– Еще чего! – заявил Готвальд. – Дала бы показания против него – стала бы участницей программы по защите свидетелей. Мы бы тогда охраняли ее на полную катушку, глаз бы с нее не спускали, дюжина человек ее стерегла бы. А пока не хочет с нами кооперироваться, так пусть и не рассчитывает на помощь с нашей стороны. Ничего, как только девчонка поймет, что Черт хочет ее кокнуть, она сразу выложит правду. Он ведь не сегодня завтра к ней заявится, чтобы убить, мы его там и возьмем. А если опоздаем и эта вертихвостка отдаст концы, сама будет виновата – у нее была великолепная возможность выдать нам Черта с потрохами, но она решила промолчать. Уверен, что на днях мы его арестуем, и прокуратура сумеет начать новый процесс!

Но доктор Стелла Конвей не разделяла беспочвенной эйфории шефа, хотя предпочла и не сообщать ему об этом.

Вильерский кошмар

Четыре дня спустя произошло то, чего так опасалась доктор Конвей. Теодор Готвальд вызвал ее к себе, и по его тону Стелла сразу поняла: случилось нечто непредвиденное.

– Новое убийство? – спросила она. – Черт снова вышел на охоту?

– Не исключено, – кивнул Готвальд. – Агнешка, та самая журналистка, что выгородила Черта, найдена мертвой. Однако, в отличие от других жертв, не у себя дома, а на улице. Кто-то напал на нее в темном переулке и задушил. Никаких следов сексуального насилия, зато исчезла ее сумочка с документами и портмоне. Полиция придерживается версии о разбойном нападении, однако у меня большие сомнения в ее достоверности.

– Ваши люди следили за Чертом? – продолжала допытываться Стелла.

– Следили, – подтвердил Готвальд. – Но что толку? Он, вероятно, знал об этом и все же умудрился выскользнуть из дома так, чтобы его не заметили. За журналисткой тоже следили, однако сегодня утром мне приказали снять наблюдение – начальство получило жалобу от ее адвоката. Мне пришлось повиноваться.

– Значит, Черт устранил единственную свидетельницу, которая могла бы дать против него показания, и обставил все как ограбление, – вздохнула Стелла. – Вы точно уверены, что нет улик, позволяющих заподозрить его в убийстве журналистки?

– Кроме того, что убийцей был мужчина, причем достаточно сильный, ростом около метра восьмидесяти, то есть таких же параметров, как и Черт, эксперты ничего не раскопали, – сообщил Готвальд. – Он издевается над нами! Его теперешний адвокат, тот, что заявился тогда в следственный изолятор, подал новый иск, и в нем фигурирует мое имя. Он требует моего отстранения от ведения дела.

– Я же говорила вам, шеф, что рукоприкладство до добра не доведет, – покачала головой доктор Конвей. – Черт – коварный противник, он отлично знает свои права и использует их против нас. Не сомневаюсь, что он получает огромное удовольствие от игры с нами, мнит себя всемогущим – еще бы, он ведь оставляет с носом прокуратуру и полицию раз за разом!

– В старые добрые времена, когда мы жили при коммунизме, а адвокаты предпочитали помалкивать, зная, что у них в любой момент могут отозвать лицензию, преступников, подобных Черту, обхаживали резиновыми дубинками, а затем запирали в карцер – и они сами признавались в содеянном, – негодуя заявил Готвальд. – Теперь же так поступать с задержанными нельзя, каждый из них знает свои права и грозит исками. Не сомневаюсь, что в ближайшие дни Черт добьется своего – нам будет приказано снять наблюдение за его домом. И значит, маньяк, на совести которого три десятка жертв, сможет творить, что ему захочется. Прокуратура уже заявила, что после исключения из дела всех улик устраивать новый процесс против Черта не имеет смысла. Может быть, когда он убьет еще кучу женщин и допустит ошибки, они займутся им, но не сейчас!

Стелла тяжело вздохнула. Выходит, им остается только рассчитывать на удачу. Вацлав Черт добился своего и, выйдя на свободу, продолжает убивать. И остановить Черта, пока он не оставит улики на месте преступления, нет никакой возможности.

– Теперь перейдем к делу, – заявил Готвальд. – Вы представляете для Черта особый интерес. За ним ведется наблюдение, и он не посмеет начать охоту на вас. Но его адвокат, как я уже сказал, подал апелляцию, и по имеющимся у меня сведениям она будет удовлетворена на текущей неделе.

Доктор Конвей поежилась. Вацлав Черт был, пожалуй, самым опасным и кровожадным убийцей, с которым ей приходилось сталкиваться. И он недвусмысленно заявил: они скоро встретятся! Черт, наплевав на собственную безопасность, совершил два новых убийства, соответственно, не остановится и перед третьим.

– Что вы хотите сказать, шеф? – произнесла Стелла дрогнувшим голосом.

– У меня так и чешутся руки... – признался Готвальд. – Будь я на пенсии, то взял бы пистолет, отправился бы в логово к Черту и всадил ему в грудь всю обойму. Меня бы, понятное дело, арестовали и отдали под суд за преднамеренное убийство, но одним извергом на земле стало бы меньше. К сожалению, ничего подобного я позволить себе не могу: до пенсии мне еще далеко, и если я сейчас отправлюсь в тюрьму, к вящей радости всех негодяев и извращенцев в нашей стране, то кто будет их ловить? Но я не хочу, Стелла, чтобы вы стали следующей жертвой Черта!

Доктор Конвей вздрогнула и произнесла слабым голосом:

– Вам не стоит обо мне беспокоиться, шеф! Я сумею справиться с Чертом...

– Вы уверены? – хмыкнул Готвальд. – Он помешан на убийствах, вы сами мне это говорили. Ему наплевать на то, что полиция может его арестовать, ему хочется крови. На сей раз – вашей крови, Стелла. Он ведь уже проникал в ваш дом...

– Я не хочу об этом говорить! – воскликнула Стелла.

– Проникал и даже пытался убить вас, – продолжил, невзирая на ее протест, Теодор Готвальд. – И вы допустили большую ошибку, не сообщив тогда в полицию.

– Шеф, прошу вас, давайте оставим тему! – попросила... нет, потребовала Стелла.

– Если Черт однажды проник в вашу квартиру, то он сделает это снова, – добавил тем не менее Готвальд. – И вам не поможет даже то, что вы проживаете в высотном доме, на тридцать восьмом этаже, а ваша квартира превращена в филиал швейцарского банка – кинокамеры, сигнализация, датчики движения, инфракрасные лучи и прочая дребедень. Вы же занимались составлением «портрета» Черта, и вам отлично известно: если он выбрал себе жертву, то обязательно найдет способ умертвить ее. Ведь так?

Стелла ничего не ответила. Она знала, что Готвальд тысячу раз прав. Несколько раз кто-то звонил ей и молчал в трубку, и Стелла подозревала, что на другом конце провода находится не кто иной, как Вацлав Черт. А буквально сегодня утром она получила открытку с изображением пляжа и океана, адресованную ей некоей подружкой по имени Валерия Челарь. Но такой подружки у Стеллы никогда не было! «Подруга» сообщала, что у нее все хорошо, отпуск проходит отлично, а завершалось послание зловещей фразой: «Уверена, скоро мы увидимся, дорогая. Встреча доставит нам массу удовольствия». Стелла нехотя поведала о звонках и открытке Готвальду.

– Почему вы не сообщили мне об этом раньше? – воскликнул тот. – Я немедленно отдам приказ привести Черта ко мне и...

– И ничего не получится, – закончила фразу за него доктор Конвей. – Потому что его адвокат прибудет раньше, чем ваши люди доставят Черта. Он наверняка будет кричать, что вы выбрали Черта в качестве жертвы и, используя служебное положение, терроризируете его.

– На открытке могут иметься отпечатки его пальцев, – предположил Готвальд.

– Черт не доставит нам подобного удовольствия, – покачала головой Стелла. – Но в том, что прислал ее он, сомневаться не приходится. Валерия Челарь – Вацлав Черт, инициалы совпадают. Он как бы напоминает, что выбрал меня в качестве жертвы. Но ни один судья не подпишет ордер на арест на основании столь смехотворных доказательств.

– Вот, вот, вот! Я считаю так: пользуясь тем, что он пока ограничен в передвижениях и в ближайшие дни, покуда за ним еще ведется наблюдение, не посмеет совершить нападение, вам лучше всего исчезнуть.

– Исчезнуть? Что вы имеете в виду, шеф?

– Уезжайте отсюда. За границу! Вы все равно находитесь в бессрочном отпуске, и я сумею добиться для вас разрешения покинуть страну. Отправляйтесь куда-нибудь подальше, в Канаду или в Австралию. Я не прощу себе, если Черт...

Он не договорил, но Стелла прекрасно поняла Теодора Готвальда. Он не хочет, чтобы Черт убил ее.

– Шеф, не имеет смысла бежать от опасности, – подумав, ответила доктор Конвей. – Наоборот, я предлагаю расставить ему ловушку и согласна выступить в качестве приманки. Черт до такой степени помешан на желании довести однажды начатое до завершения и... и убить меня, что забудет об опасности. У нас имеется реальный шанс схватить его с поличным.

Готвальд, сверкнув глазами, отрезал:

– Полностью исключено, Стелла! Разве вы забыли, что мы уже пытались поймать Кровавого Дьявола на «живца», и чем это завершилось? Наш агент была изнасилована и убита, несмотря на то, что дюжина патрульных машин, набитых моими людьми, находились неподалеку.

Стелла помнила, как Черт обхитрил полицию и напал на женщину не в квартире, наспиванной подслушивающей и записывающей аппаратурой, а в лифте. Когда двери кабины распахнулись, то глазам Готвальда предстала кошмарная картина – труп одной из лучших агенток с двумя десятками ножевых ранений. Черт скрылся из кабины через шахту.

– Начальство никогда не даст «добро» на новую подобную операцию, – с уверенностью продолжал Готвальд. – Одним словом, и думать забудьте о том, чтобы спровоцировать Черта. Вы покинете Экарест, причем как можно скорее. Желательно – прямо сегодня!

– Вы хотите выпроводить меня из страны? Но такие поездки не организуются за несколько часов. Как же быть с визой и прочими формальностями?

– Вот уж над чем вам не стоит ломать голову! Министерство иностранных дел готово нам помочь, – успокоил Стеллу Готвальд. – Только скажите, в какую точку земного шара вы хотите отбыть, и они все устроят. Билет на самолет, проживание в отеле – все за счет отдела. Если вы внезапно исчезнете, то это выведет Черта из равновесия и заставит совершить оплошность. Не сомневаюсь, что он попытается вас найти. А мы будем следовать за ним по пятам.

– Шеф, у меня имеется встречная идея, – упрямо возразила доктор Конвей. – Зная наши службы, могу сразу сказать, что никто не разрешит мне находиться за границей за государственный счет дольше недели. А этого времени не хватит, чтобы спастись от Черта.

– Я поговорю с начальством, – заикнулся Готвальд, но Стелла невесело рассмеялась:

– И после всего случившегося, я имею в виду лопнувший процесс, вы сможете убедить какого-нибудь надутого болвана в министерстве, что на меня стоит тратить деньги налогоплательщиков? Сильно сомневаюсь! Вам ответят, что о своей безопасности я должна заботиться сама. Поэтому лучше поступить по-другому...

– Что у вас на уме, Стелла?

– Вы правы, мне лучше не оставаться дольше в Экаресте, – продолжала доктор Конвей. – И я покину столицу, возможно, еще сегодня вечером или завтра на рассвете. Все должны быть уверены в том, что я, как вы и планировали, отправилась за границу, вы должны без стеснения заявлять об этом. Рано или поздно новость дойдет до Черта, и он, возможно, предпримет попытку отправиться вслед за мной в Канаду или в Австралию.

– Понимаю! – воскликнул Готвальд. – А вы в действительности останетесь в Герцогстве Словакия?

– Вот именно! – ответила Стелла. – Я бы могла и не покидать столицу, однако риск слишком велик, поэтому все же мне лучше убраться из Экареста в провинцию.

– У вас имеются какие-нибудь родственники или друзья, умеющие держать язык за зубами? – спросил Готвальд.

Стелла вспомнила шквал телефонных звонков от посторонних людей, досаждавших ей всего несколько дней назад. Высказывались негодование, удивление, любопытство... И никому не пришло в голову поверить ее словам, все изначально считали ее виновной и спешили облечь свою уверенность в глупые слова.

– Вижу, что, как и у меня, насчет родственников у вас не ахти, – резюмировал Готвальд. – Да и если бы они были, отследить их или друзей не составило бы труда, в особенности такому мерзавцу, каким является Вацлав Черт. Дайте-ка подумать... – Готвальд зашелестел бумагами, затем взял трубку телефона и произнес: – Илона, принесите мне сообщение из Вильера. Да, да, то самое. Я жду!

Через пару минут, прошедших в сосредоточенном молчании, на пороге кабинета возникла секретарша, эффектная блондинка лет сорока в рыжем брючном костюме и с броскими длинными серьгами из серебра. Она кинула недобрый взгляд на Стеллу (доктор Конвей как-то имела неосторожность пошутить – заявила шефу при свидетелях, что его секретарша в него влюблена, о ее словах немедленно донесли Илоне, и та, хотя с тех пор прошло уже несколько лет, «одаривала» Стеллу именно таким взглядом). Илона подплыла к столу, улыбнулась и грудным голосом произнесла:

– Шеф, как вы и просили, донесение из Вильера!

– Можете идти, – сухо распорядился Готвальд.

Секретарша, краснея, как девочка, робко спросила:

– Не хотите ли кофе, шеф?

– Нет, благодарю, Илона, – бросил он, погрузившись в чтение бумаг. – Впрочем, принесите что-нибудь доктору Конвей...

– «Что-нибудь» мы не держим, – заявила, фыркнув, Илона и с гордо поднятой головой удалилась из кабинета.

– Похоже, она все еще питает к вам нежные чувства, – сыронизировала Стелла.

Готвальд, оторвавшись от изучения документов, рассеянно спросил:

– Кто? Илона? Да бог с вами, Стелла. Она трижды побывала замужем и, кажется, собирается туда же в четвертый раз. На что я ей? Впрочем, не в Илоне дело. Я получил это на днях из Вильера.

– Из того самого Вильера! – улыбнулась Стелла.

Готвальд усмехнулся:

– Именно, из небольшого городка, расположенного у подножия гор. Вильер – край вулкодлака, что известно любому мальчишке в нашей стране. Шеф местной полиции, комиссар Золтарь, доложил в столицу: некоторое время назад были обнаружены два трупа – погибли школьница пятнадцати лет и ее дружок двадцати с небольшим. Кто-то зверским образом лишил их жизни, причем способ умерщвления позволяет предположить, что... Ладно, сами прочитайте эту галиматью!

Он протянул Стелле тонкую бумажную папку. Доктор Конвей бросила взгляд на несколько фотографий и обеспокоенно воскликнула:

– Такое впечатление, что в Вильере завелся умалишенный! Тела изуродованы до неузнаваемости.

– Да уж... – Готвальд оперся на стол локтями и сложил ладони лодочкой перед лицом. – Девушку и ее бойфренда – парочка удалилась в заброшенный егерский домик в горах, чтобы, по всей видимости, заняться сексом, – буквально растерзали в клочья. Молодого человека обнаружили неподалеку от избушки, под большой елью, девицу – примерно в полутора километрах к юго-западу, в лесной чащобе. Она вроде пыталась скрыться от своего преследователя, но подвернула ногу и не смогла далеко уйти. Такой вывод, во всяком случае, сделал патологоанатом. Да и ночь уже наступила, а девчонка была только в трусиках и водолазке, босиком. Она дозвонилась по мобильному телефону своего приятеля в службу спасения, ее звонок был зарегистрирован, время в отчете шефа полиции указано...

– Двадцать один час сорок семь минут, – заметила Стелла.

– Вот-вот, – оскалился Готвальд. – Пленка с записью голоса девушки имеется. Но ее словам элементарно не поверили.

– Как не поверили? – изумилась Стелла. – В подобных организациях должны реагировать на все звонки! Зачастую люди оказываются в небывалых ситуациях, и работа сотрудников службы спасения заключается в том, чтобы моментально реагировать на обращения...

– Так-то оно так, но только теоретически, – сказал Готвальд. – Знаете, что сказала девица дежурной? Распечатка разговора к делу приложена.

Стелла зашелестела бумагами и нашла ее. Вчиталась, пытаюсь представить себе то, что разыгралось несколько дней назад в небольшом провинциальном городке в совсем другом конце страны.

– Вулкодлак? – потрясенно произнесла наконец доктор Конвей. – Девушка утверждала, что на нее и на ее... гм... Лешека напал вулкодлак?

– Вот именно! – потеряв переносицу, ответил Готвальд. – Вы знаете, что это за зверь?

– Мифическое существо, – сказала Стелла. – В Румынии существует культ Дракулы, а у нас, в Герцословакии, имеется вулкодлак. Помесь вампира и оборотня.

– Да, так, – кивнул Готвальд. – Помню, мальчишкой я вместе с друзьями играл в вулкодлака на заброшенном кладбище – страшно было, аж мороз по телу продирает и волосы дыбом становились. Стоило вороне каркнуть или сучку треснуть, сердце от ужаса в пятки падало...

Стелла вспомнила мини-сериал, не так давно с большим успехом прошедший по телевидению. В деревушке после войны происходят жуткие убийства, суеверные жители уверены, что действует оборотень, и из столицы присылают молодого комиссара, который, конечно же, атеист и материалист. Однако чем дольше он ведет расследование, тем больше убеждается в том, что имеет дело не с окопавшимися в лесах фашистами или сумасшедшими людоедами, а с порождением преисподней. Сериал был мистическим, поэтому когда к концу третьей или четвертой серии возник вулкодлак во всей красе – двухметровый монстр, покрытый черной шерстью, с длинным волчьим хвостом и огромной зубастой мордой, усеянной острыми белыми клыками, с которых капали слюна и кровь, то комиссар окончательно уверился в том, что ему надо бороться с пришельцем из ада при помощи святой воды, револьвера, заряженного серебряными пулями, и осинового кола. Фильм побил все рекорды популярности, молодой актер, исполнявший роль комиссара, получил награду на кинофестивале за лучшую мужскую роль, телекомпания принялась за съемку продолжения, а по стране прокатилась волна вулкодлакомании: в магазинах продавались резиновые морды твари, большими тиражами издавались «шедевры» на мистическую тематику, а пара младенцев были названы родителями, фанатами сериала, Вулкодлаками.

– Дама из службы спасения, что говорила с девчонкой, с Вандой Крот, ей, натурально, не поверила, – продолжил Готвальд. – Тем более что дурацкий импортированный праздник Хэллоуин был недавно, а по всем каналам трубят, что накануне Нового года выйдет в эфир вторая часть идиотского сериала о вулкодлаке. Вот сотрудница и решила: подростки балуются. Однако, надо отдать ей должное, все равно пыталась узнать, что же происходит и где девица, которая слезно молила о помощи, находится. Но Ванда ничего толком не могла сказать, а потом связь прекратилась. Мобильный телефон, как следует из отчета, нашли в ста пятидесяти метрах от того места, где обнаружили тело Ванды Крот. Он был раздавлен: кто-то, по всей видимости, наступил на него.

– Кстати, вроде бы в Вильере имеется замок вулкодлака, в котором якобы похоронен тот самый князь, перешедший в стан адских сил? – поинтересовалась Стелла.

– Вы правы, – ответил Готвальд. – Недавно туда приехал наследник, желает реконструировать и перестроить старый замок и превратить его в шикарный отель. Тот человек является каким-то родственником старого князя, отпрыском некогда богатейшего аристократического рода. И жители городка, как значится в отчете, толкуют о том, что убийства возобновились, как только в Вильере объявился один из «них» – из династии вулкодлаков.

– Возобновились? – нахмурилась Стелла. – Разве...

Готвальд нажал кнопку селекторной связи.

– Илона, так и быть, принесите мне кофе. А для доктора Конвей...

– Зеленый чай, – попросила Стелла.

– Зеленого чая нет, – прокаркала секретарша.

– Тогда не зеленый, а любой другой, – приказал Готвальд. Затем ответил Стелле: – Ну да, вы в силу своего молодого возраста не можете знать об этом. К тому же в коммунистические времена о таких вещах запрещали упоминать. Вильер всегда был беспокойным городком, несмотря на то, что природа там идиллическая – горные массивы, девственные леса...

– И тюрьма смертников, шеф, – добавила Стелла.

– И тюрьма смертников, – согласился Теодор Готвальд. – Подальше от столицы, можно сказать, на краю света!

– Ведь именно там казнили раньше, до моратория на смертную казнь, всех самых жутких маньяков?

– Чертов мораторий нам все перечеркнул, – проворчал Готвальд. – Все в Европу стремимся, вот и навязали нам эту... индугенцию для типов, которых надо в расход отправить. Ведь и Черт, когда его поймают, получит по максимуму всего лишь пожизненное, что означает – он годы, а то и десятилетия будет сидеть на шее у государства, то есть простых граждан, отменно питаться за их счет да мемуары пописывать... Раньше как было хорошо: за убийство – расстрел.

Стелла не стала спорить с шефом, который придерживался архаической точки зрения на наказание, был уверен, что человека перевоспитать нельзя, и почитал формулу «око за око, зуб за зуб» как нельзя актуальной в современном мире.

– Там ведь и Вулк Климович сидел? – спросила она, меняя тему.

– Да, и Климович сидел, самый знаменитый маньяк нашей страны, любивший у женщин вынимать сердца и поедать их для продления своей брэнной жизни, – подтвердил Готвальд.

В дверь постучали, появилась Илона с подносом и двумя чашками. Одну из них секретарша аккуратно поставила перед Готвальдом и проворковала: «Шеф, с учетом ваших пристрастий я положила четыре ложечки сахара с горкой». Другую чашку, надтреснутую и покрытую изнутри желтоватым налетом, Илона сунула под нос Стелле, надменно произнесла: «Вам сахару не положила, сами небось в состоянии!» Буквально швырнув на стол сахарницу, она сладким голосом осведомилась у Готвальда, не желает ли тот перекусить, и, получив отрицательный ответ, удалилась.

– Илона готовит замечательный кофе, – прихлебывая из чашки, заметил Готвальд.

Стелла, выудив из своей сморщенный пакетик с чайной заваркой, подумала, что Илона подсунула ей использованный – уж слишком светлой была жидкость. Стелла добавила ложку сахара, тщательно размешала и отхлебнула. В горле немедленно запершило, из глаз брызнули слезы.

– Господи, да это же не сахар, а соль! – произнесла Стелла.

Появившаяся на зов Готвальда Илона фальшиво выразила сочувствие Стелле:

– И как могло получиться, что в сахарнице оказалась соль? Чего только не бывает! Хотите еще?

– Нет, благодарю, – вежливо отказалась доктор Конвей и налила из графина, стоявшего на столе у шефа, в бокал воды.

Наконец секретарша скрылась, и Теодор Готвальд, попивая кофе, продолжил:

– Так вот, к вопросу о возобновившихся убийствах. Вы правы – если говорят «смерти возобновились», значит, они уже когда-то имели место. Вообще-то время от времени в лесах около Вильера находят мертвецов – то с вывороченным животом, то с оторванной головой, то разодранного на мелкие части. Что поделать – в лесах водятся и волки, и медведи, и кабаны, и лоси. А лоси, да будет вам известно, опаснее всех других хищников вместе взятых, в осо-

бенности в брачный период. Так как тела почти всегда основательно обглоданы зверьем, то сложно сказать, что именно послужило истинной причиной смерти – то ли несчастный случай на охоте или во время сбора грибов и ягод, то ли, скажем, сердечная недостаточность или что-то иное. Пара-тройка мертвецов в год статистики не портят, все списывают на несчастные случаи: пошли люди на свой страх и риск в чащу, заблудились, стали жертвой волков или замерзли. Но вот в девятнадцатом веке имела место странная цепь убийств. Людей находили на полях, в горах, лесных дорогах и даже в собственных домах в... м-м... распотрошенном виде. Тогда решили, что действовал волк-людоед или даже стая волков. Но местные жители были уверены, что это деяния вулкодлака. Тогда даже из столицы специальную команду посылали, чтобы волков изничтожить, а слухам, вызвавшим панику, положить конец. И расследование, кажется, велось, но так все и заглохло. Массовые убийства вроде прекратились, но вплоть до сегодняшнего дня среди жителей края бытует мнение, что просто вулкодлак стал более осторожным и перестал убивать в больших количествах, ограничиваясь несколькими жертвами в год, а в остальное время впадая в спячку.

– И вы в это верите, шеф? – спросила Стелла Конвей насмешливым тоном агностика. Однако доктор пыталась скрыть подспудный страх, вызванный повествованием начальника.

– Неважно, кто во что верит, мы должны руководствоваться фактами, – уклонился от прямого ответа Готвальд. – В крови девчонки и особенно парня была обнаружена солидная порция молодежного наркотика: не исключено, что вулкодлак Ванде почудился. Но то, что она и ее ухажер были зверски убиты, факт непреложный. В деле имеется вырезка из местной газетенки...

Стелла отыскала первую страницу «Вильерских вестей». Большие черные буквы на первой странице грозно заявляли: «Ужасная смерть двух подростков: полиция отказывается от комментариев. Вулкодлак снова вышел на охоту?»

– То, что многие из жителей думали, но не рискнули произносить вслух, какой-то идиот, желающий увеличить тиражи провинциального листка, напечатал в передовице! – рявкнул Готвальд. – И пошло-поехало: в Вильере царит паника, люди уверены, что вулкодлак вновь принялся за страшные убийства, как сто пятьдесят лет назад.

– А как насчет местной полиции? – спросила Стелла. – Она в самом деле бездействует?

– Не совсем, – заметил Готвальд. – Я говорил по телефону с тамошним, так сказать, шерифом, он толковый, здравомыслящий, ответственный парень. Но что он может поделать, если на него все насили – мэр требует скорейшей поимки убийцы, княжеский отпрыск, надумавший строить отель, грозит мэру, мол, инвесторы могут передумать, если убийца не будет пойман в ближайшее время, и тогда Вильеру не грозит стать туристическим раем, и не видать новых рабочих мест и крупных отчислений в городской бюджет. А журналоги, упирая на свободу слова, накаляют страсти, играя на суевериях и страхах, постоянно печатают статьи с намеками на то, что полиция ничего не может поделать, так как убийца – не обыкновенный человек, пускай и необычайно жестокий и лишенный совести, а исчадие ада – вулкодлак!

Готвальд смолк и уставился на Стеллу. Ей сделалось неуютно под его пристальным взглядом.

– Все зависит от вас, доктор, – произнес он. – Предлагаю вам поехать в Вильер. Вацлав Черт вас там ни за что не отыщет! Мы будем поддерживать версию о том, что вы отбыли за границу, и намекать на то, что вы находитесь, скажем, в Новой Зеландии. Полиции в Вильере требуется помощь, у них ведь нет толковых специалистов. Вернее, у них вообще никаких специалистов нет! Не сомневаюсь, там появился какой-то сумасшедший, а вы специализируетесь на поимке подобных им. Шеф полиции Вильера просит подмогу, но я не могу командировать к нему столичных ребят, у нас и так дел невпроворот, тем более сейчас, после того, как Черт вышел на свободу. Вы, пока Черт не пойман и не осужден, не можете работать в столице, но в Вильере это знать необязательно. Поедете туда, и если поможете поймать убийцу – хорошо,

нам только на руку. Если нет, тоже небольшая беда. Для Вильера я подготовлю все необходимые бумаги, отправитесь туда под мою ответственность. Черт с ног собьется, но вас так и не отыщет, я уж позабочусь. А вам там скучать, сидеть сложа руки не придется: ищите себе пресловутого вулкодлака!

– Предложение мне нравится, шеф, – не раздумывая, откликнулась Стелла Конвей. – Когда мне отправляться в Вильер?

– Не спешите, еще день-два они без вас обойдутся, – заявил Готвальд. – Для всех, в первую очередь для Черта, организуем ваш отъезд за границу: на машинах с мигалками, в международный аэропорт столицы. Я лично поеду вас провожать! Комар носу не подточит! Для всех вы отбываете в долгий заграничный вояж, дабы поправить пошатнувшиеся нервы. А в самом деле отбудете в противоположном направлении в небольшой провинциальный городок – в гости к вулкодлаку.

Спустя двадцать минут они завершили обсуждение всех деталей. Оказавшись в приемной, Стелла заметила Илону, щебетавшую с кем-то по телефону. Секретарша при виде ее поджала губы и произнесла в трубку:

– Милочка, мне пора закругляться, работа зовет! Я перезвоню тебе сегодня вечером!

Провожая доктора Конвей взглядом, подумала: чуть было не попалась. Ей было чрезвычайно интересно, о чем говорят шеф и его противная сотрудница. Не дай бог лопочут романтические глупости! Секретарша, как обычно, попросту подслушала разговор в кабинете. Ничего занимательного она не узнала, но от сердца отлегло: мымра и шеф не состоят в любовной связи. А то от ушлой Стеллы, которая спала и с прокурором, и с маньяком, всего можно ожидать!

Илона была не против заполучить шефа в мужа, но он пока не поддавался ее чарам. Ничего, еще немного усилий, и Теодор Готвальд капитулирует. Вот и хорошо, что Стелла укатит в какой-то провинциальный городок помогать в расследовании тамошних убийств. Может, вулкодлак ее сцапает и оторвет ей башку? Тогда Илона станет жить спокойнее...

В краю вулкодлака

Спектакль под названием «Отбытие за границу» прошел без эксцессов и не возбудил подозрений. Как Готвальд и обещал, Стелла появилась в международном аэропорту Экареста в сопровождении трех машин с государственными номерами и мигалками. Шеф помог ей выгрузить два внушительных чемодана и лично проводил к стойке, за которой проходила регистрация рейса на Канберру. Миловидная служащая, которой доктор Конвей предъявила паспорт, выдала ей посадочный талон, а чемоданы скрылись в недрах аэропорта.

– Он здесь, – доверительно сообщил Стелле Готвальд. Доктор Конвей вздрогнула и оглянулась по сторонам.

– Что за невозможная женщина! – прошипел шеф и дернул ее за рукав пальто. – Вы все равно его не увидите, он отлично замаскировался. Нам было приказано снять наблюдение за Чертом, что официально и было сделано. Однако начальству необязательно знать о том, что я отдал распоряжение не спускать с этого мерзавца глаз. Мои ребята сказали, что он направился в аэропорт вслед за нами.

Стелле сделалось не по себе. Вацлав Черт слов на ветер не бросал, он в самом деле объявил на нее охоту. Готвальд, догадываясь о смятении чувств, царившем в душе Стеллы, похлопал ее по плечу:

– Ну, ну, не волнуйтесь, мы прижмем его к ногтю.

– А его нельзя задержать? – неуверенно спросила доктор Конвей.

– В связи с чем? – горько откликнулся Готвальд. – Его адвокат найдет тысячу причин, по которым Черт имел право, нет, более того, был обязан оказаться сегодня в аэропорту. Он сейчас находится в одном из ресторанов, расположенных на втором этаже. Оттуда, кстати, отлично просматривается нижний уровень. И он убедится в том, что упустил вас, Стелла!

После сдачи багажа доктор Конвей прошла паспортный контроль. Готвальд, стоявший рядом с ней, предупредил:

– Не дергайтесь, он спустился вниз и наблюдает за вами. Дальше ему путь закрыт. Ну что ж, давайте-ка сейчас правдоподобно изобразим расставание на долгое время...

Готвальд по-отечески обнял Стеллу и даже как будто смахнул слезу. Доктор Конвей не выдержала и обернулась, но Вацлава Черта не увидела – в аэропорту было великое множество народу. Как и полагалось, она прошла в зал ожидания. Рейс в Австралию отправлялся через сорок минут. Когда объявили посадку, она вместе с другими пассажирами спустилась к автобусу, где ее и перехватил Готвальд.

– Тут ваше путешествие на континент, где живут кенгуру, заканчивается, – улыбнулся шеф. – Мои ребята следили за ним – он проводил вас на посадку, постоял несколько минут, вышел из здания, поймал такси и отправился обратно в Экарест. Черт клюнул на представление, он уверен, что вы в страхе бежали от него в Австралию. Самолет доставит вас до областного центра, а оттуда придется добираться до Вильера на поезде.

– А мои чемоданы? – забеспокоилась Стелла.

– Уже в пути в другой аэропорт, – ответил Готвальд. – Машина ждет нас, но не у центрального входа, а у дежурного.

Полчаса спустя они находились в соседнем аэропорту, откуда осуществлялись рейсы по Герцословакии. Там-то состоялось подлинное прощание. Готвальд дал Стелле последние наставления и приказал – чуть что, немедленно звонить ему.

– Как долго мне придется находиться в «Австралии»? – спросила доктор Конвей.

– Чем дольше, тем лучше, – усмехнулся шеф. – Вернее, пока мы не засадим подлеца за решетку, уже до конца его собачьей жизни. Во всяком случае, вам придется пробыть в Вильере

не меньше месяца, а то и двух. Я уже разрабатываю операцию по задержанию Черта с поличным.

– Постараюсь порадовать вас положительными результатами дела о вулкодлаке, – добавила на прощание Стелла.

* * *

Небольшой самолет, направлявшийся в глубь страны, стартовал с опозданием на десять минут. Стелла, занимавшая место в хвостовой части салона, у иллюминатора, бросила взгляд на удаляющуюся столицу и почувствовала облегчение. Вацлав Черт остался в прошлом, их с каждой секундой разделяет все больше километров, он уверен, что она отправилась за океан, в то время как в действительности ее путь лежит в расположенный у отрогов гор маленький городок Вильер.

Стелла достала из портфеля, который взяла в качестве ручной клади, тонкую папку и пролиставла документы по делу вулкодлака. Несомненно, убийство юной Ванды и ее дружка Лешека было совершено психически неуравновешенным человеком. Кто бы еще мог с такой ненужной жестокостью измолотить тела? Доктору Конвей бросилась в глаза строка из отчета патологоанатома: тот не исключал, что на молодых людей напали дикие животные – их тела были разодраны как будто медведем. Так, так... А ведь согласно поверьям, вулкодлак представляет собой помесь человека, волка и медведя...

Стелла поехала и вспомнила свой визит в архив министерства внутренних дел днем ранее. Она попыталась найти дело об убийствах в Вильере в середине девятнадцатого века. Служащий архива, выслушав ее просьбу, поскреб кадык и с сомнением ответил:

– Боюсь, те бумаги не сохранились, сгорели в числе прочих во время войны. Однако я посмотрю...

Из хранилища архивариус вернулся минут через пятнадцать и развел руками.

– Сожалею, но ни подлинников, ни копий нет. Однако я обнаружил запись в старом журнале поступлений о том, что в городской библиотеке Вильера должны иметься многочисленные материалы по этому делу. Разрешите спросить, почему оно вас так интересует? Решили написать роман про оборотней?

...Полет длился чуть меньше полутора часов. Стелла погрузилась в короткий и тревожный сон. Разбудил ее голос стюардессы, объявившей, что самолет идет на посадку в аэропорт областного центра... Неожиданно сильно затрясло, и Стелла, закрыв глаза, постаралась ни о чем не думать.

Ее встречали сотрудники местной полиции, доставившие на машине на вокзал, откуда вскоре уходил поезд до Вильера. Стелла заняла место у окна, вытащила бумаги, но вместо того, чтобы приняться за их изучение, заснула. Открыв глаза, доктор Конвей убедилась, что находится в пути. Состав несся в ночи, постукивали колеса, мелькали редкие фонари и далекие огоньки населенных пунктов.

Согласно расписанию, поезд прибыл в Вильер в пять минут первого ночи. Стелла и еще несколько пассажиров вышли на перрон. Она ожидала увидеть большое здание вокзала, но разглядела лишь крошечную будку, в которой продавали билеты. Поезд, нетерпеливо гудя, покатил прочь еще до того, как Стелла сумела сориентироваться.

Колючий холодный ветер ударил ей в лицо, Стелла осмотрелась. Вокзал в Вильере состоял из двух путей, а пожелтевшее расписание на щите поблизости гласило, что поезда останавливаются в городке четыре раза в день, и то всего на пару минут: два поезда в столицу, два – в противоположном направлении. Ее никто не встречал, хотя Готвальд договорился, что от вокзала путешественницу доставят в гостиницу или в какой-нибудь пансион. Доктор Кон-

вей беспомощно оглянулась на пустом перроне – немногочисленные попутчики уже скрылись в подземном переходе, выведившем в город.

Она постояла на платформе, переминаясь с ноги на ногу. На вокзале не было ни тележек для багажа, ни носильщиков. Поколебавшись, Стелла подошла к билетной будке, надеясь получить от кассира разъяснения, однако обнаружила, что будка закрыта. Табличка над окошком извещала: «Продажа билетов с 8 до 19, по выходным и праздникам с 10 до 15 часов».

Грязный треснувший циферблат часов над будкой показывал четверть первого. Стелла не знала, что делать. Она находится в незнакомом городке, ее никто не встречает... Внезапно она подумала, что остановись сейчас здесь поезд на Экарест, она бы без промедления заняла в нем место. Вильер ей не понравился с первого взгляда.

– Вы – доктор Стелла Конвей? – раздалось у нее за спиной.

Стелла повернулась и едва не столкнулась с белобрысым молодым человеком. А тот, не дожидаясь ответа, подхватил оба ее чемодана и потащил их к спуску в подземный переход.

– Извините, что задержался, – сказал незнакомец. – Я думал, поезд прибывает в половине первого. Меня зовут Йозеф Ковач, но можете называть меня просто Йозек.

Стелла улыбнулась. В тусклом свете ламп, пока они шествовали по длинному и на редкость грязному подземному переходу, она рассмотрела Йозека повнимательнее. Ему было от силы двадцать, однако парень старался выглядеть солиднее и старше. Доктор Конвей предложила забрать у него один из чемоданов, но Йозек, пыхтя и обливаясь потом, замотал головой:

– Нет, что вы, для меня это сущая ерунда! А правда, что вы приехали к нам ловить вулкодлака?

Внимание Стеллы привлекли рисунки безвестных художников, изобразивших при помощи баллончиков с краской занятые картинками на кафельных стенах подземного перехода. Огромный монстр с волчьей мордой и непомерно большими лапами, увенчанными когтями, отрывал голову голой девице.

– А, современная наскальная живопись, – протянул Йозек, перехватив взгляд гостьи и улыбнувшись. – Я и сам, сознаюсь, когда-то баловался. До недавних пор рисунков подобных было немного, а сейчас везде, куда ни глянь. Убийства так на подростков повлияли! Зато... Все так напуганы, в том числе и хулиганы, что ночью по улицам можно без опаски ходить. Народ, как стемнеет, по домам сидит, никто на улице носа не кажет. Еще бы, вдруг хозяин замка, вулкодлак, объявится!

Они оказались на небольшой привокзальной площади. Стелла заметила горную грядку, окружившую Вильер, и светящийся бледными огнями старинный замок над городком.

– Там хозяин и живет, – авторитетно сообщил Йозек. – Ну, старый князь. Это ведь от него все пошло! Он был первым вулкодлаком. А как его наследник в город приехал, так все и пошло-поехало. Судачат, что *это* у них, как генетическая мутация, от отца к сыну передается.

– Что *это*? – спросила Стелла.

Они подошли тем временем к старенькой машине, одиноко припаркованной на стоянке. Йозек, запихав один чемодан в багажник, а другой положив на заднее сиденье, распахнул дверцу и галантно произнес:

– Доктор, прошу вас! Ехать недолго, у нас городок небольшой. Доставлю вас в пансион, который моей матушке принадлежит, вам уже приготовили лучшую комнату.

Автомобиль долго не хотел заводиться, Йозек, проклиная старую колымагу, безуспешно поворачивал ключ в замке зажигания.

– Сколько раз жаловался шефу, что машине пора на свалку, а он твердит – денег бюджетом для приобретения новой не предусмотрено, – вздохнул юноша. – Придется матушке звонить, просить, чтобы она нас забрала...

Машинешка, словно услышав жалобы Йозека, вдруг захрипела, затарахтела и завелась. Молодой человек вырuling со стоянки. Городок состоял из сплетения узких улочек, на которых

сосуществовали старинные каменные дома с остроконечными черепичными крышами и уродливые бетонные сооружения эпохи развитого социализма.

Стелла заметила, что фонарей на улице мало. Она увидела по пути всего нескольких пьяниц, а также небольшую компанию что-то бурно обсуждавших подростков.

– Вы интересуетесь, *что* от отца к сыну передается? – спросил вдруг Йозек.

Доктор Конвей вздрогнула: она уже думала, что молодой человек забыл ее вопрос.

– Способность превращаться в вулкодлака, – пояснил Йозек. – В общем, болезнь, что ли. В одних аристократических семействах распространено безумие, гемофилия или подагра. А у Сепетов – ликантропия, как-то так это научно именуется. Князья, что жили раньше в замке, все потомками первого вулкодлака были. И время от времени они выходили на охоту. Да и тот, что приехал к нам в городок, из их числа! Чистой воды вулкодлак!

Стелла подумала, что юноша шутит или дурачится, но его сосредоточенное востроносое лицо не выражало ни капли иронии.

– Вы ведь не верите в вулкодлака? – спросил Йозек. – Ну конечно, не верите! Не обижайтесь, доктор, но по вас сразу видно: столичная штучка! Прикатили из Экареста, наверняка регулярно бываете за границей, над суевериями таких провинциалов, как мы, потешаетесь. Для всех прочих вулкодлак – жутковатая старинная легенда. Недавно вот сериал по телику крутили, так у нас весь город хохотал – там ляп на ляпе! Сложно, конечно, вам, экарестцам, правдоподобно изобразить жизнь в здешних суровых краях, не сделав ошибок. Для кого-то вулкодлак – сказка, а для нас – неотъемлемая часть существования.

Доктор Конвей не знала, что ответить. Похоже, жители Вильера изначально уверены в том, что знают имя виновника недавнего двойного убийства – вулкодлак.

– А вы, я смотрю, к этому скептически относитесь, – вздохнул Йозек. – Прямо как мой шеф! Он, как и вы, человек пришлый, не здесь вырос, а совсем в других краях, поэтому считает местные легенды «байками из склепа». Уверяет, что никакой мистической подоплеки в произошедшем нет. Эх, хорошо бы, чтобы он прав оказался...

Машина свернула с асфальтированной дороги на грунтовую и, протрясаясь по колдобинам несколько минут, замерла около трехэтажного дома с вывеской: «Пансион матушки Гертруды».

– Ну вот, доктор, мы и на месте! – торжественно объявил Йозек. – Давайте выгружаться!

Стелла вышла из салона автомобиля. На черном небе сияла убывающая луна, похожая на объединенную мышами головку сыра. Замок на скале магнитом притягивал к себе взор доктора Конвей. Где-то вдалеке раздался протяжный вой. Стелла вздрогнула и спросила у Йозека, управлявшегося с чемоданами:

– А что это за звуки?

– Волки, – ответил тот обыденным тоном, как будто речь шла не о серых хищниках, а о простых дворнягах. – Их тут много в лесах. Раньше, при коммунистах, за их поголовьем следили, отстреливали, к нам партийные шишки из столицы прикатывали, чтобы охотой побаловаться. А как система рухнула и деньги лесничим перестали выделять, так волки и расплодились. Иногда даже в город спускаются и на людей нападают.

Стелла вдруг подумала, что крошечный Вильер, взятый в кольцо волками, не уступает по опасности огромному Экаресту, в котором ее поджидает кровожадный Вацлав Черт. Она уехала из столицы, желая не подвергать себя опасности, однако кто сказал, что тут, в провинции, она окажется огражденной от опасности – только другого, *сверхъестественного*, рода?

– Добрый вечер, доктор Конвей! – услышала гостя глубокое контральто.

На крыльце пансиона возвышалась дородная женщина с мощным бюстом. Она была облачена в темно-синее клетчатое платье, похожее на старинное; округлые плечи закрывала ажурная шаль, седые волосы были забраны невидимой сеточкой, большие глаза излучали энергию. На вид хозяйке пансиона было под пятьдесят.

– Почему так долго, Йозеф? – властно спросила женщина у юноши. Йозек стушевался и начал что-то бормотать в свое оправдание. – Надеюсь, доктор Конвей, вам не пришлось мерзнуть на вокзале, дожидаясь моего нерадивого сыночка? – спросила дама с улыбкой, но в ее голосе слышалось скрытое недовольство. – Ужасно несобранный мальчишка, вы уж меня извините. Как он еще работает в полиции, пусть и на побегушках у Марка, меня вообще удивляет. Я бы на месте его шефа давно выставила такого сотруди́чника за дверь!

– Но, матушка Гертруда... – промямлил Йозек, залившись краской стыда.

Стелла подумала, что отношения между сыном и матерью странные: Йозек, давно совершеннолетний, кажется, откровенно под каблуком властной родительницы и позволяет обращаться с собой, как будто ему не двадцать, а лет десять.

Гертруда, сменив гнев на милость, подошла к Стелле, протянула гостье руку и крепко пожала ладонь.

– Как добрались из столицы? – спросила хозяйка пансиона и с легкостью подхватила один из чемоданов Стеллы. Поймав ее удивленный взгляд (доктор Конвей знала, что чемодан весит не меньше тридцати килограммов), Гертруда благодушно пояснила:

– Ах, когда-то давным-давно, в молодости, я была спортсменкой, меня даже прочили в олимпийскую команду Герцословакии по триатлону. Однако этому не суждено было сбыться...

Йозек поднял второй чемодан, и они прошли в холл пансиона. Страхи Стеллы – не попали ли она в какую-нибудь трапезную гостиницу – немедленно развеялись. Здесь было чисто, уютно, вкусно пахло чем-то жареным, яркие лампы светили с потолка.

– Вы, верно, устали с дороги. Еще бы, весь день в пути! – сказала Гертруда. – Я приготовила вам нашу лучшую комнату, в Вильер в это время года приезжает не так-то много туристов. Вот если его светлость князь Юлиус Сепет построит отель, то к нам поедут в любой сезон, и даже из-за границы. А так пансион пустует. Но, думаю, вы не откажетесь от позднего ужина, моя дорогая?

– Приму ваше предложение с большим удовольствием, – ответила Стелла.

По всей видимости, Гертруда принадлежала к категории людей, которые не воспринимали отказа и были уверены, что все остальные просто обязаны им подчиняться. Несладко, видимо, приходится Йозеку с такой властной мамочкой!

– Йозеф, отнеси вещи доктора Конвей в ее комнату, – распорядилась Гертруда, и Стелла подумала, что владелица пансиона похожа на вдовствующую императрицу. А кстати, не называли ли ее родители в честь королевы Дании, матери Гамлета?

Юноша, кряхтя, потащил чемоданы по крутой лестнице наверх. А Гертруда объявила:

– Мои постояльцы трапезничают в столовой. Соблаговолите следовать за мной!

Они прошли в большую комнату, обитую дубовыми панелями, украшенную рыцарскими доспехами с гербами и головами разнообразных животных. Со стен скалили зубы волки, пучили глаза кабаны, разевали пасти медведи, испуганно взирали олени с ветвистыми рогами.

– Коллекция вашего супруга? – спросила Стелла, стремясь поддержать разговор.

Гертруда, запахнув на груди шаль (высокий воротник, успела заметить Стелла, был сколот старинной камеей), спокойно ответила:

– Я никогда не была замужем, доктор Конвей!

– Прошу прощения, – пробормотала Стелла, коря себя за то, что поставила Гертруду в неловкое положение. Удивительно, но хозяйку пансиона вопрос вовсе не смутил.

– Садитесь, я сейчас принесу вам ужин, – распорядилась Гертруда.

Женщина исчезла за дверью кухни, а доктор Конвей заняла место за одним из столов. И вот матушка Гертруда возникла с подносом, уставленным тарелками. Стелла с опаской взглянула на нечто, напоминавшее суп с большими фрикадельками.

– Местное блюдо, – пояснила Гертруда. – Называется шушимбла. Вам понравится.

Стелла попробовала кушанье со странным названием «шушимбла» – на вкус оно было обжигающе-жирным. Похоже, Гертруда не уделяла особого внимания здоровому питанию и не заботилась о низкой калорийности своих блюд. Чтобы не обижать хозяйку, Стелла впихнула в себя несколько ложек. Затем Гертруда поставила на стол большое блюдо с жареным картофелем и тремя огромными кусками мяса, залитыми кроваво-красной подливой. За ним последовали тарелка с салатом, тарелка с толстыми ломтями ржаного хлеба, мисочка с шоколадным пудингом, вазочка с мороженым и стакан киселя.

– Это все для меня? – изумилась Стелла. В Экаресте такого количества продуктов ей хватило бы на неделю.

Где-то в горах снова завывали волки, и внезапно до Стеллы донесся протяжный, пробирающий до костей крик, переходящий в захлебывающийся лай.

– Тоже волки? – охнула доктор Конвей.

Гертруда, усевшись напротив, покачала головой:

– Кто-то считает, что это голос вулкодлака. Раньше его не было слышно, а в последнее время тварь пробудилась к жизни.

– И вы верите в вулкодлака? – спросила Стелла и только потом поняла, что неудачно выразилась: получается, что она подвергала сомнению позицию Гертруды.

Хозяйка пансиона усмехнулась.

– Какая разница, кто во что верит, ведь это ничего не меняет, не так ли, доктор Конвей? В нашем мире очень много зла, очень много... Мой сын наверняка уже все уши вам прожужжал о вулкодлаке. Он на нем помешан.

– Но ведь то, что выло сейчас, не волк? – спросила Стелла. – Я, конечно, не очень разбираюсь в животных, однако... Кто может так выть? Как будто животное и человек в одной ипостаси.

– Доктор Конвей, вы же сами говорите, что не разбираетесь в этом, – отрезала Гертруда. – Горы скрывают от нас много загадок, сейчас осенняя пора, ветер играет в пещерах и заброшенных штольнях, и многие звуки, что возникают таким образом, простачки принимают за «рулады» вулкодлака.

Слова Гертруды не убедили Стеллу, однако она решила ей не противоречить.

– Вы больше не хотите есть? Не привыкли к простой грубой пище? – спросила Гертруда, убирая тарелки, к которым Стелла практически не прикоснулась. – Впрочем, у меня имеются мюсли и йогурты, если пожелаете, могу подать их вам на завтрак. Вижу, что у вас глаза слипаются. Давайте провожу вас в комнату!

Они поднялись на третий этаж. Номер, отведенный Стелле, оказался просторным, с двумя большими стрельчатыми окнами, через которые был виден далекий замок. Имелась и ванная комната с большой чугунной лоханью на позолоченных лапах.

– Желаю вам доброй ночи, доктор, – произнесла Гертруда. – Спите спокойно.

Она зашагала по коридору, однако, видимо, поддавшись внезапному импульсу, повернулась. Стелла поразились: лицо хозяйки пансиона выражало сейчас крайнюю степень страха.

– Доктор, пока не поздно, уезжайте обратно в Экарест, – прошептала она. – Вам нечего делать здесь, в краю вулкодлака. Так будет лучше для всех нас и для вас!

– Что вы имеете в виду? – спросила, отступая в комнату, Стелла.

Лицо Гертруды приняло обычное надменное выражение, женщина ответила:

– Ах, не обращайтесь внимания, дорогая моя! Просто я опасаюсь, что местный климат придется вам не по нраву.

Она удалилась, а Стелла, прикрыв дверь, повернула в замке ключ. Чем объяснялось странное поведение Гертруды и что она хотела действительно сказать ей? По всей видимости, ей совсем не нравится появление в городке незваной гостьи из далекой столицы. Но почему?

Над кроватью доктор Конвей заметила в стальной рамке под стеклом пожелтевший лист, на котором значилось:

Песнь о вулкодлаке
По небу черному-пречерному плывет луна.
Подобно глазу филина во тьме горит она.

Старинный замок-град ввысь стремится на скале.
Он неприступен для врагов; князь-воин славный живет в оне.

Не ведает пощады могучий князь-боец к турецким басурманам
И рубит главы с плеч разбойникам жестоким и злобным атаманам.

С годами же уверился сей князь, что выше заповедей Библии и
Бога он!
И стал вершить-творить невиданное зло и ночью темною, и
светлым днем.

Но умер в муках князь-боец во темну-страшну грозовую ночь,
Душе его растленной и порочной молитвами святыми не помочь!

Ибо ни рай, ни ад и ни чистилище его принять к себе не возжелали,
И серафимы князя-грешника на муки для искупления грехов
кровавых обрекали!

Отныне и покамест не найдет душа воителя сего спасенья,
Он будет по земле блуждать до скорого второго Христова
Воскресенья.

Князь станет чудищем – то будет помесь человека, волка и
медведя,
Покоя вечного лишненное и обреченное в аду и после милости
Христа гореть!

И твари дьявольской и лютой бояться будет всяк!
И имя твари сей поганой и премерзкой – вулкодлак!

Семейное предание княжеского рода Сепетов (XVI в.)

Стелла два раза прочитала стихотворение и поежилась – да уж, в Вильере все буквально помешаны на вулкодлаке! Доктор Конвей сняла рамку со стены и спрятала ее в комод. Так-то лучше!

Она почистила зубы и приняла ванну. Часы показывали без пяти два, когда она, переодевшись в пижаму, нырнула под теплое пуховое одеяло, оставив включенным верхний свет.

Напрасно доктор Конвей надеялась быстро заснуть. Она ворочалась с боку на бок, думая о Вацлаве Черте, об убийстве в Вильере, о вулкодлаке. То и дело приподнимаясь с подушки, посматривала на замок, в котором погасли все огни, за исключением одного-единственного, в северной башне.

И вот, в тот момент, когда после полутора часов метаний сон наконец-то пришел и Стелла ощутила, что соскальзывает в объятия Морфея, раздался уже знакомый страшный вой, но не в горах, а где-то гораздо ближе. Сонливость как рукой сняло, Стелла вздрогнула и, скинув одеяло, соскочила с кровати. Босиком она подбежала к одному из стрельчатых окон и, чувствуя дрожь во всем теле, всмотрелась во тьму. Дрожала она не от холода – в комнате работало центральное отопление, и большие чугунные батареи так и дышали жаром, – а от непонятного страха, охватившего ее. Вой, смолкнув на мгновение, вновь прорезал ночь: взбираясь до отчаянных высоких нот, он внезапно падал на октаву ниже, переходя в захлебывающийся, утробный рык. Стелла вдруг поняла, что не одна она внимает этой мелодии ночи, подобно ей, сотни жителей городка, кто накрывшись одеялом с головой, кто припав к окну, кто проверяя запоры на дверях и вооружившись старой винтовкой или топором, слушают навевающие ужас и нагоняющие тоску крики неведомого обитателя гор, того, кто, по мнению многих, рыщет в течение столетий в поисках новых жертв, и имя ему – вулкодлак!

Стелла всмотрелась во мрак, и внезапно что-то со всего размаху ударило об оконное стекло. Раздался отчаянный писк, и непонятное создание, по размерам весьма большое, сделало несколько кругов перед окном. Доктор Конвей, вскрикнув, отшатнулась, метнулась к кровати и, забравшись на нее, натянула одеяло до подбородка.

Странные, тревожные мысли мучили молодую женщину. Вулкодлак, согласно легендам, может обращаться в летучую мышь или в хищную птицу. А что, если... если тот, кто считает городок своей вотчиной, пытался сейчас проникнуть к ней, ибо ему не нравятся пришельцы, прибывшие на борьбу с ним?

Вильерский крутой Уокер

Только под утро, убедив себя, что бояться нечего, Стелла провалилась в сон. Проснулась она от назойливого стука в дверь. Свет хмурого ноябрьского солнца лился через окно в комнату. Стелла, скинув одеяло и потушив верхний свет (не хватало еще Гертруде узнать, что ее гостя боится спать в темноте!), подбежала к двери и повернула замок.

Йозек, облаченный в серый костюм, белую рубашечку с аляповатым золотистым галстуком, выпалил:

– Доброе утро, доктор Конвей! Извините, что бужу вас, но Марк... то есть мой шеф... начальник полиции Вильера... Он просил вам передать, что... Ну, в общем...

Юноша смутился, а Стелла заметила, что его взгляд уперся ей в грудь.

– Спасибо, Йозек, – ответила доктор Конвей. – Я буду готова через двадцать минут!

Наскоро умывшись и одевшись, она спустилась в холл. Гертруда, выплыв из столовой, произнесла:

– Милая моя, я приготовила фруктовый салат. Думаю, вам, столичной жительнице, он придется по вкусу.

– Сожалею, но у меня нет времени, – ответила Стелла. – Меня ждут.

– Выпейте хотя бы чашку кофе и скушайте булочку с маслом! – потребовала Гертруда и прикрикнула на сына: – А твой обожаемый главный следопыт может подождать! Где это видано, чтобы человек отправлялся на работу, толком не позавтракав? Если не успел подзарядиться энергией с утра, весь день пойдет насмарку!

Не в силах противиться напору Гертруды, Стелла наспех выпила чашку кофе со сливками и умяла сдобную булочку с маком, которую Гертруда обильно смазала маслом, утрамбовав еще сверху два толстущих куска сыра.

– Ну вот, видите, теперь совсем другое чувство, ведь так? – спросила Гертруда и, не дожидаясь ответа, хлопнула в ладоши: – Что ж, можете отправляться к нашему Шерлоку Холмсу. Только советую вам противостоять его чарам, моя дорогая!

Йозек на своем драндулете ждал Стеллу около пансиона. При свете солнца городок и окрестности выглядели величественно: высокие горы, покрытые смешанным лесом, голые скалы, вздымающиеся в серо-желтое небо, идиллические домишки, разбросанные на склонах, и городок в котловине, как драгоценный камень в углублении сафьяновой коробочки. Даже замок не внушал больше страха, и Стелла увидела, что древняя постройка основательно обветшала – зубья стен кое-где обвалились, а вездесущий мох покрыл сизый камень.

– Как спалось? – спросил молодой человек после того, как машина тронулась с места. И, не дожидаясь ответа, выпалил: – Вулкодлак сегодня разошелся! Не удивлюсь, если прошедшей ночью он себе новую жертву выбрал. Или это он так перед вскрытием саркофага буянит?

– Вскрытие саркофага? – удивленно обронила Стелла. И юноша, крутя баранку, пояснил:

– Наследник, что теперь замок модернизирует, намерен в ближайшие дни вскрыть семейную усыпальницу. Даже журналистов пригласил. Еще бы, ведь это возбудит интерес к его проекту и обеспечит рекламу по всей стране и за рубежом! И он заявил, что в присутствии прессы вскроют саркофаг, в котором покоится его предок-вулкодлак. Вроде чтобы всем слухам положить конец. А я думаю, что наоборот – чтобы сплетни подхлестнуть. Представляете, что будет, если тело князя, умершего шестьсот лет назад, не истлело, а находится в отличном состоянии?

– Вряд ли такое возможно, – заявила Стелла. – Известны случаи, когда тела, находящиеся в сухой среде и недоступные насекомым-падальщикам, не истлевали, а мумифицировались, но чтобы труп за шесть столетий вообще не подвергся изменениям... Нет, это противоречит всем естественным законам!

Йозек шумно вздохнул.

– Так в том-то вся и фишка, доктор Конвей! Вулкодлак никаким естественным законам не подчиняется. Оборотень – он и есть оборотень. А правда, что после смерти у людей растут ногти и волосы, и если вскрыть старые могилы, то можно найти мертвецов с длиннющими когтями и волосами до пупа?

– Ерунда, – ответила Стелла, – ногти и волосы действительно растут по инерции некоторое время после смерти человека, но очень быстро рост прекращается, ведь начинается распад тканей. Пара миллиметров – вот максимум, на который они могут вырасти. А начало легендам про вампиров и вурдалаков положили эпидемии чумы в Средние века – трупы разбухали до невозможности, могилы заполнялись слизью, и те, кто наткнулся на подробных мертвецов, решали, что это и есть «не-мертвые».

– Вы уверены? – в голосе Йозека звучало сомнение. – А то я слышал...

– Следи за дорогой! – оборвала его Стелла, и молодой человек смолк.

Они подъезжали к центру городка. Доктор Конвей поняла, что прошедшей ночью была несправедлива к Вильеру, ибо находилась под властью негативных эмоций и страха. Городок оказался небольшим, но симпатичным. Правда, жители, что спешили сейчас по своим делам, выглядели мрачноватыми и смотрели неприветливо.

– А часто у вас бывает, что летучие мыши или птицы ударяются об оконное стекло? – спросила, поддавшись искушению, Стелла.

Йозек, ничуть не удивившись, со знанием дела ответил:

– Редко, но случается. А что, вам в окно ночью кто-то шибанул? Можете быть уверены: это *он* пришел на вас посмотреть. Не любит он чужаков, ох как не любит!

Стелла уже не стала спрашивать, кого имеет в виду Йозек, так как ответ был очевиден. Вдруг машина резко затормозила, и молодой человек, погрозив кулаком пешеходу, перебежавшему улицу в неполюженном месте, сообщил:

– Ну вот, доктор, мы почти приехали.

Автомобильчик свернул и остановился перед зданием из красного кирпича. Большая выцветшая вывеска гласила: «Полицейское управление гор. Вильера».

– Здесь я и работаю, – пояснил Йозек. – Шеф уже ждет вас. Он позвонил мне ночью, хотел узнать, как вы добрались. И сегодня утром тоже звонил.

Парень, придержав тугую скрипящую дверь, пропустил доктора Конвей внутрь полицейского управления. Ступая по выцветшему линолеуму и вдыхая знакомый запах пыли и старых бумаг, Стелла подошла к окошку, за которым сидел дежурный. Полицейский, лысый мужчина лет пятидесяти, сосредоточенно изучал свежий выпуск «Королевского сплетника».

– Привет, Густав, – помахал ему рукой Йозек.

Полицейский испуганно отбросил газету.

– А, это ты... Что, уже с утра новая задержанная? – Выпуклые голубые глаза Густава пытливо изучали доктора Конвей.

– Ну ты даешь, Густав! – со смехом ответил Йозек. – Разреши представить тебе столичного специалиста по маньякам, доктора Стеллу Конвей. Она специально прибыла к нам, в провинциальный Вильер, чтобы помочь в расследовании убийств.

– У нас и своих специалистов хватает, – неучтиво пробурчал Густав и поднялся. Он был высоким и плотным мужчиной, форма песочного цвета туго обтягивала его мощную фигуру. – И кроме того... Что какая-то столичная штучка может сделать с вулкодлаком?

– Вы уверены, что убийство – дело рук, вернее, лап мифического создания? – спросила Стелла. Дежурный ей не понравился.

Густав почесал абсолютно лысую голову и выпятил нижнюю губу.

– Понимаю, как вы к этому относитесь, доктор, но лучше бы сидели у себя в столице, занимались научными изысканиями. А мы сами со своими проблемами разберемся! И вообще, не стоит совать нос в дела, которые вас не касаются!

Стелла отметила, что Густав крайне недоволен ее появлением. Почему? Она видела полицейского первый раз в жизни, однако он с первого взгляда невзлюбил Стеллу.

– Такой он, наш Густав, – шепнул ей Йозек, – не обижайтесь на него, доктор. Он всегда брюзжит и вечно всем недоволен. Густав – заместитель шефа...

Доктор Конвей сдержалась, чтобы не сделать ядовитое замечание в адрес такого вот заместителя. А тот, потеряв всяческий интерес к Стелле, уселся на скрипучий стул и вновь принялся изучать прессу.

– Искренне надеюсь, что ваш шеф отличается от своего заместителя, – повела плечом Стелла.

– Марк вам понравится, доктор! – заверил ее Йозек. – Он – мой кумир! Хотел бы и я, как и он, стать когда-нибудь главой полиции Вильера...

Хлопнула дверь, послышались шаги, и за перегородкой возник статный высокий темно-волосый мужчина лет тридцати трех – тридцати пяти.

– Вот и начальство, – произнес шепотом Йозек. – Наш Марк!

Стелла не без удовольствия отметила, что глава полиции Вильера весьма привлекателен. Марк, завидев Йозека и Стеллу, произнес приятным низким голосом:

– Густав, отчего ты не доложил мне, что наша столичная гостья уже в здании?

– А на что здесь мальчишка? – ответил его заместитель, не отрывая взора от «Королевского сплетника». – Он ее привез, пускай к тебе и ведет. И вообще, я занят.

Марк нахмурился, и доктор Конвей отметила, что гнев чрезвычайно к лицу начальнику полиции. А тот вышел из-за конторки и, протягивая Стелле руку, произнес:

– Прошу извинить моего сотрудника за глупые замечания. Вы ведь доктор Стелла Конвей, не так ли? Рад приветствовать вас в Вильере! Для нас большая честь визит такого известного специалиста, как вы. Меня зовут Марк Золтарь, я – начальник местной полиции.

Стелла подумала, что Марк, оказавшись безработным, мог бы с легкостью найти работу в качестве модели дорогого мужского белья или принадлежностей для бритья. Темно-синие глаза, загорелая кожа, классические черты лица и соблазнительная улыбка неплохо бы смотрелись в рекламе. Впервые за много часов доктор Конвей подумала, что ее визит в Вильер может стать занимательным.

Ситуацию испортил Густав, который скрипучим голосом начал задавать вопросы:

– Доктор, не про вас ли в «Сплетнике» недавно писали? Кажется, именно ваш непомерный сексуальный аппетит и полная некомпетентность привели к признанию процесса над Вацлавом Чертом недействительным?

– Густав! – резко оборвал Марк Золтарь.

– А что? Вы ведь тоже об этом читали, шеф! Или столица, следуя своей старой привычке, решила присылать к нам неудачников, карьеристов и неумех?

Густав с шумом сложил газету и поднялся. Стелла отметила, что Марк едва сдерживается от гнева.

Затренькал старый черный аппарат. Густав поднял трубку и величественно произнес:

– Полицейское управление Вильера, вы говорите с заместителем начальника!

Марк со смущенной улыбкой повернулся к Стелле:

– У моего заместителя, доктор, сложный характер...

– Я уже успела это заметить, – кивнула та.

– В действительности же Густав отличный сотрудник, хотя зачастую и невыносим в общении, – добавил Марк.

А лысый полицейский раздраженно кого-то отчитывал по телефону:

– И вы с такими пустяками решили звонить в управление? Чего вы хотите, чтобы мы все ринулись на поиски вашей кошки? Еще чего, мы занимаемся серьезными преступлениями, а не подобной ерундой!

Марк провел Стеллу по коридору к двери, обитой черным дерматином. Распахнув ее, он галантно пропустил гостью первой и чуть виновато произнес:

– Доктор, не пугайтесь типичного для меня хаоса.

Небольшая комната была завалена бумагами, на письменном столе возвышалась старенькая пишущая машинка, в углу громоздился древний компьютер. Марк, расчистив шаткий стул от бумаг, смахнул с него рукавом пыль. Стелла не без опаски опустилась на него, с любопытством поглядывая на нового знакомого. Интересно, есть ли у Марка супруга? Ее взгляд скользнул по его руке, но обручального кольца она не увидела. Кажется, и Гертруда, и Йозек намекали на то, что начальник полиции неравнодушен к противоположному полу и его чар стоит опасаться. Наверняка у красавца имеется дюжина подружек!

За пыльными стеклами нескольких книжных шкафов посверкивали золотым тиснением своды законов, энциклопедии, а также медицинские и фармакологические справочники. Единственное окно обрамляли выцветшие желтые занавески, а на подоконнике притулился треснувший пузатый горшок с пожухшим горбатым фикусом. На стене Стелла увидела большую карту Вильера и окрестностей.

Марк Золтарь опустился в крутящееся кресло, предательски под ним заскрипевшее. Доктор Конвей вынула из сумочки документ, полученный от Теодора Готвальда, и протянула недоумевающему Марку.

– Мои верительные грамоты, – пояснила она.

Начальник полиции, даже не взглянув, поспешно засунул письмо на бланке в ящик стола и сказал:

– Доктор, мы в Вильере привыкли доверять друг другу без бумажек! Я недавно говорил с вашим шефом, господином Готвальдом. Скажу честно, я его боготворю! Он предупредил меня о вашем визите. Для нас это большое подспорье. – Марк встрепенулся, вспомнив, что ему надлежит быть гостеприимным хозяином: – Не хотите ли кофе? Вы ведь остановились у Гертруды, матушки Йозека. Замечательная женщина, хотя не без странностей. Однако готовит она божественно!

Вспомнив странные кушанья, которыми Гертруда потчевала ее ночью, Стелла воздержалась от комментария и попросила чаю. Доктор отметила, что начальник полиции смущен и сбит с толку. Внезапно она поняла – именно ее присутствие выводит красавца Марка из равновесия. Неужели местный донжуан положил на нее глаз?

– Доктор, буду откровенен, нам требуется ваша помощь, – сказал Марк. – Вы же знаете, что речь идет о двойном убийстве – школьницы Ванды и ее друга Лешека. Жуткое дело, скажу я вам. Первой тревогу подняла тетка Ванды, когда в начале одиннадцатого обнаружила, что ее племянница не вернулась с занятия в музыкальной школе. Родители Ванды, бизнесмены, часто в отъезде, поэтому о девочке заботится... заботилась их родственница. Тетя Клара немедленно обратилась в полицейское управление, а Йозек сразу связался со мной. Вообще-то в подобных случаях, как вы сами знаете, мы должны выждать семьдесят два часа, прежде чем объявить человека в розыск. Девушка пятнадцати лет, у которой раньше был дружок, выполнявший мелкие поручения местных бандитов, могла вместе с ним податься в столицу. Но тетя Клара была уверена, что произошло нечто ужасное. Чтобы успокоить бедную женщину, я отдал распоряжение сотрудникам прочесать городок и окрестности. Мы ничего не нашли. И только на следующий день случайные прохожие обнаружили около егерской избушки, что располагается на полпути к старому замку, тело Лешека. Я немедленно прибыл на место. Да, скажу вам, доктор, мне пришлось повидать многое, однако с таким столкнулся впервые!

Марк смолк. В дверях возник Йозек с подносом, на котором находились две щербатые красно-белые кружки.

– Молодого человека словно пропустили через мясорубку, – продолжал Марк. – Не буду углубляться в детали, если хотите, можете прочитать протокол. У меня уже тогда возникло

подозрение, что и Ванда мертва. Однако я надеялся – вдруг девушка осталась в живых: например, ей удалось сбежать от убийцы или убийц. Мои сотрудники начали осматривать склон горы и под вечер обнаружили Ванду. Она тоже была убита, причем, как и ее друг, зверским образом. Я немедленно сообщил о столь ужасном происшествии в столицу.

– Почему? – спросила Стелла, отхлебывая чай. – Обычно сотрудники провинциальных отделений стараются вести расследование собственными силами и только в исключительных случаях, не по собственной воле, соглашаются с визитом столичных коллег.

– Можете считать, что случай именно такой, исключительный, – ответил Марк. – Не буду ходить вокруг и около... Йозек ведь уже изложил вам свою теорию?

– Не теорию, а убеждение, – заметила, усмехнувшись, Стелла. – Кажется, многие в Вильере уверены: убийства совершены вулкодлаком.

Марк грустно кивнул.

– Как я ни пытался бороться с суевериями, ничто не помогает, доктор! Те, кто родился и вырос в Вильере – а я к таковым не принадлежу, – с молоком матери впитывают эти жуткие истории. Для них вулкодлак реален, как для нас восход солнца или свежая газета.

– Вы не верите в то, что убийства совершены вулкодлаком? – с легким удивлением спросила Стелла.

– Я разочаровал вас, доктор? Да, я один из немногих в Вильере, кто не верит в подобную чушь. Вулкодлак – плод фантазии здешних жителей, во многом склонных к суевериям. Знаете, здесь, в отдаленных горных селениях, до сих пор еще поклоняются языческим богам, а христианство понимается на свой лад: дьявол и его слуги для большинства вильерцев – не абстрактные понятия, а реальные создания. Зло воплощается для них в виде вулкодлака, что выпивает кровь и терзает свои жертвы. В общем, борюсь я, борюсь, а успеха нет!

– Марк... – заговорила Стелла радостно, найдя единомышленника. – Вы разрешите называть вас по имени?

– Ну конечно! – Темно-синие узкие глаза начальника полиции вспыхнули.

– Да, давайте обойдемся без формальностей, – добавила доктор Конвей. – Вы тоже можете называть меня по имени. Вы – первый из встретившихся мне вильерцев, кто не верит в козни вулкодлака!

– И вы хотите знать, отчего? – Марк усмехнулся. – Вильер – замкнутый мирок, крошечная вселенная, существующая автономно от Экареста и живущая по своим диким, вызывающим изумление законам. Местные жители – чрезвычайно гостеприимные и хлебосольные, однако вы, сколько ни проживете в городке, навсегда останетесь чужаком. Я приехал сюда больше десяти лет назад, но до сих пор считаю «другим». Таких здесь немного: из Вильера уезжают, чтобы начать жизнь где-нибудь в крупном городе, но по собственной воле здесь никто не поселяется. Для меня, как, наверное, и для вас, суеверия местных жителей смешны и непонятны. Вулкодлак превратился в навязчивую идею для многих из них, я же как здравомыслящий человек, воспитанный в духе материализма и атеизма, отказываюсь верить в существование адского монстра.

– А что говорит судмедэксперт? – спросила Стелла.

– Вы наверняка ознакомились с его отчетом. Некто превратил тела юноши и девушки в куски мяса. Следов сексуального насилия не обнаружено, следовательно, кто-то совершил злодеяние, руководствуясь совершенно иными мотивами.

Дверь кабинета начальника полиции распахнулась, вошел встревоженный Йозек.

– Шеф, шеф! – закричал он. – У нас появился подозреваемый! Только что доложили – мужчина попытался сбить с рук вещи, предположительно принадлежавшие убитым Ванде и Лешеку! На них обнаружены следы крови!

– Ну вот, Стелла, дело и сдвинулось с мертвой точки, – радостно потер руки Марк. Затем он вынул из сейфа кобуру и прицепил ее на пояс. – Если хотите, можете отправиться с нами на

задержание подозреваемого. Вполне вероятно, что мы нашли убийцу, и тогда у вас появится возможность допросить его.

Боня Закорюк и алтарь вулкодлака

Стелла и Марк вышли из кабинета. В полицейском управлении царил суматоха: несколько сотрудников громко переговаривались, кто-то докладывал по рации о том, чем занимается подозреваемый. И только Густав, продолжавший изучать свежую прессу, казалось, был совершенно равнодушен к происходящему.

– Йозек, останешься в отделении, – распорядился Марк.

– Ну, шеф, – занял юноша, – я же тоже хочу хотя бы одним глазком взглянуть на вулкодлака!

– При чем тут вулкодлак? – в раздражении воскликнул Марк. – Сколько раз говорил тебе, что это все – сказки венского... пардон, вильерского леса! Нет никакого вулкодлака, и точка!

Йозек посмотрел на шефа исподлобья, на секунду в отделении воцарилась тишина. Стелла отметила, что прочие сотрудники уставились на Марка с подозрением, а кое-кто с откровенным презрением. Похоже, все, за исключением самого Золтаря, уверены в том, что убийцей является вулкодлак, и не прощают своему шефу то, что он в него не верит.

– Как скажете, шеф, – произнес уныло Йозек. – И все-таки мне бы так хотелось посмотреть на него...

– Потом, – отрезал Марк. Покинув здание полицейского управления, он сел за руль одной из патрульных машин и бросил Стелле: – Занимайте место рядом со мной. Нам недолго ехать!

Вереница полицейских машин тронулась с места. Прохожие, оглядываясь на них, о чем-то перешептывались, несколько женщин осенили себя крестным знаменем, молодая мать прижала к себе ревущего карапуза и прикрыла ему ладошкой глаза.

– Они все уверены в том, что я, пришелец, не в состоянии проникнуться духом их родины, – отрывисто ронял Марк, вцепившись в руль. – Меня уважают, но не любят. Еще бы, я ведь не верю в вулкодлака! А раз не верю, значит, не имею права принадлежать к числу избранных, коим открыта правда. Вы не поверите, Стелла, но сейчас, в начале двадцать первого века, в эпоху компьютеров, Интернета и роботов, здесь, в Вильере, процветает вера в чертовщину, бабки торгуют амулетами от сглаза, один за другим открываются салоны, в которых предсказывают будущее и гадают на кофейной гуще. С одной стороны, Вильер – обычный провинциальный городишко, каких сотни в нашей стране, а с другой... С другой – замкнутый мир, своего рода секта, проникнуть в которую невероятно сложно. Все существование местных жителей базируется на страхе и преклонении перед вулкодлаком. Никто не признается в этом открыто, но еще десять лет назад личности, именующие себя хранителями города, приносили жертвы вулкодлаку. А по моим сведениям, и до сих пор такое случается. Все пока ограничивалось мелкими животными, но не удивлюсь, что рано или поздно пресловутые хранители переключатся и на людей...

Стелла поняла, что Марк излагает ей давно наболевшее, то, что никто в городке слышать не хотел. И вот появилась она, тоже чужая здесь, не верящая в вулкодлака. Не это ли их так сближает?

Машина резко затормозила около какого-то весьма непрезентабельного строения. К Марку подошел молодой человек в штатском и доложил:

– Шеф, я обнаружил его на рынке. Он ходил по рядам и предлагал амулеты под названием «Антивулкодлак». Я подслушал его разговор с одной бабкой: он уверял ее, что у него имеются вещи, пропитанные кровью жертв, и если их носить при себе, то вулкодлак ни за что не тронет. Я ведь и сам слышал, что от вулкодлака надо защищаться...

– Достаточно, – прервал его Марк. – Кто он?

– Местный бомж Павлушка, – ответил молодой полицейский. – Он как-то проходил у нас по делу о краже в гастрономе, стащил тогда двух бройлеров. В сущности, безобидный тип...

– Все маньяки, пока не принимаются за кровавые убийства, в сущности, безобидные типы, – отрезал Марк. – Где он живет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.